

18+

Михаил Софийский

В Москве
всё найдёшь...

Михаил Софийский

В Москве всё найдёшь...

<https://litres.ru/74375207>

ISBN 9785007106627

Аннотация

«В Москве всё найдёшь, кроме родных отца и матери», — напутствовала юного «заробитчанина» соседка по купе.

Мишке напоминать о том было бессмысленно — после того, что с ним произошло, ему было нечего терять, кроме собственной жизни.

Но у жизни свои законы, а у Высших Сил — свой Промысел.

Парень был готов к чему угодно. Но только не к тому, к чему пришёл...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	23
Глава 4	38
Глава 5	53
Глава 6	68
Глава 7	89
Глава 8	108
Глава 9	114
Конец ознакомительного фрагмента.	122

В Москве всё найдёшь...

**Михаил Михайлович
Софийский**

© Михаил Михайлович Софийский, 2026

ISBN 978-5-0071-0662-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*События и действующие лица — вымышленные. Любые
совпадения случайны.*

Глава 1

Железнодорожный вокзал Белгорода накрыл плотный осенний сумрак, разбавленный светом зелёных прожекторов.

По территории терминала, как и водится на круглосуточно функционирующих объектах сновали люди в довольно немалом количестве. Каждый — индивидуальность, каждый — с персональной судьбой и личным жизненным опытом. Но здесь каждая индивидуальность с персональной судьбой и личным жизненным опытом воспринималась десятками и сотнями ей подобными индивидуальностей как просто человек, просто пассажир. Безликий, серый, заурядный.

Немногим по душе чувствовать себя частью серой массы. Однако по крайней мере один присутствующий на белгородском вокзале уповал именно на это.

Сероглазый худощавый блондин в старой дерматиновой куртке и с сумкой с символикой Московской олимпиады уже выехал из государства, где ему, без преувеличения, грозила смерть. Но на всякий пожарный продолжил соблюдение осторожности.

Мишка бросил взгляд на часы. Половина десятого. До отправления поезда на Москву — полчаса. Позади — Мелитополь, Днепропетровск, Харьков...

К своим восемнадцати годам парень доселе не бывал ни

в одном из перечисленных городов Украины, не считая первого. В нём же — вырос.

Остальные же, да и, пожалуй, российский, упомянутый в первом абзаце — узрел только в этот день, девятого октября 1997 года. Из окна автобуса. Покидал транспортные средства на автовокзалах и за территорию оных не выбирался. Не видел нужды.

Но до Москвы, куда Мишка, собственно, и держал путь, было всё ещё далековато, и пассажир, не спавший полтора дня, с полпинка сообразил, в каком состоянии он приедет в столицу, если не примет вертикальное положение. Поэтому в Белгороде юноша даже не стал искать кассу, а, сориентировавшись по висевшей в вестибюле схеме городских маршрутов, решительно шагнул в сторону вывески «ВЫХОД В ГОРОД».

Преодолев внушительную ширину проспекта Богдана Хмельницкого, щедро залитого золотистым светом уличных фонарей и автомобильных фар, Мишка сел в троллейбус, связывающий два терминала, и покатиł навстречу мечте, появившейся у него вчера и, что ничуть не менее верно — как снег на голову.

Эта мечта заключалась отнюдь не в достижении самой верхушки пирамиды Маслоу¹, а в надёжном закреплении хо-

¹ Пирамида Маслоу — иерархическая модель потребностей человека. Первая ступень — физиологические потребности. Вторая — потребность в безопасности. Верхушка символизирует самоактуализацию.

тя бы на второй её ступени. Ведь в Мелитополе юноше оставаться было никак нельзя — в лучшем случае лишился бы квартиры (и, по факту, лишился). А в худшем (учитывая Мишкин дальнейший поступок) — для него потеряла бы актуальность и ступень под первым номером, и ему пришлось бы удовлетворять оную насущную необходимость, испытываемую рыбами и прочей живностью на дне Молочного лимана.

Репродуктор объявил посадку. Мишка устремился к первой платформе, где уже стоял поезд «Белгород — Москва».

Помимо Мишки, в купе расположились две женщины. Одна — в возрасте, с поседевшими волосами, собранными в консервативную причёску, в дымчатых очках и слегка азиатской внешности, смахивающая на кореянку.

Другая — полноватая блондинка лет двадцати пяти, с большими голубыми глазами и в розовой кофте с люрексом².

— На маму и дочку не похожи, — отметил юный авантюрист.

Но задавать вопросы парень не стал — ему-то какая разница, кем они друг другу приходится и кто они такие вообще — соседи и соседи.

Их, напротив, Мишкины дела заинтересовали с первых же минут.

² Люрекс — блестящая металлизированная нить, вплетаемая в ткань для украшения.

— В Москву? — спросила старшая пассажирка.

— Ага. А вы — тоже?

— Тоже. К сыну в гости. Уже несколько лет там живёт. Женился на москвичке, недавно дочь родилась. Занимает должность в частной компании — оклад высокий, плюс ставка от выручки, не то, что у бюджетников. В долларах.

— Здóрово. Хотелось бы и мне так обосноваться.

— Я бы на твоём месте не была столь амбициозна, — с лица «корейнки» мигом слетела улыбка. — Здесь, во-первых, обязательно хорошее образование. У тебя оно есть? Вряд ли.

— Есть. Девять классов и ПТУ.

Женщина снова заулыбалась.

— И всё? Ну, дружочек, я по-доброму завидую твоей самооценке. Опыта у тебя точно нет.

— Нема, — помотал головой Мишка.

— И гражданства российского, смею предположить...

Мишка развёл руками.

— Ну что я тебе скажу — твои шансы откровенно невелики. Не гарантирую даже программу-минимум.

— Вы мне ничего и не обязаны гарантировать. А что за минимум?

— Приезжаешь, снимаешь комнату и ищешь работу. Найдёшь до того, как деньги кончатся — повезло. Не найдёшь — повезло, если останутся или найдутся деньги на обратную дорогу.

— Обратно не поеду, — отрезал Мишка.

Это был не принцип. Как вам уже известно, появиться в Мелитополе для нашего героя равносильно самоубийству. Но попутчицам знать подробности совсем ни к чему.

— А куда ты денешься? В бомжи подашься?

— Зачем в бомжи? Я что — в Москве за месяц не трудоустроюсь?

— Дай-то Бог, — подала голос блондинка. — Но хочу предупредить — рассчитывать ты можешь разве что на неквалифицированные позиции. Дворник, грузчик...

— Да ну... У меня есть специальность. И права. А водилы в Москве дюже потребны.

— Потребны. Но с опытом. Так что лучше садиться в свои сани.

— И то только на себя заработаешь. И жильё не купишь.

— Сначала — да, — возразила девушка. — Но потом и опыт наберётся, и всё такое. В Москве в этом отношении проще.

— Во-во, — кивнул Мишка. — Какой толк от собственного жилья, если негде забашлять? В конце концов, можно жениться на москвичке.

— Губа не дура! Нет, по идее-то реально, многие так женятся и выходят замуж. Правда, реальность зачастую сильно расходится с ожиданием. Не секрет, что в Москве квартирный вопрос стоит несравненно острее, чем в других городах. Почти все молодые девушки живут с родителями, которые не всегда рады примаку. И будешь там пятым после собаки.

Или пристроиться к дамочке постарше, или малолик-видной — внешность, характер, вредные привычки... Зато оквартиренной. Но уживёшься ли ты с такой?

— Попробую, — буркнул Мишка.

Молодая попутчица покачала головой.

— Ты, видимо, не пробовал жить с нелюбимым человеком и не представляешь, каково это. Я жила. Ощущения — не айс. Нет, человек совсем не плохой — умный, добрый, заботливый. Но — нелюбимый.

А жильё снимать дорого. Вдвоём полегче — арендная плата **чуть** повыше. В смысле — не в два раза.

Но, справедливости ради, — кашлянула блондинка, — в Европе большинство населения снимает жильё.

— Да, так тоже жить можно, — признала старшая попутчица. — Пока имеешь стабильный источник дохода. Но — в лучшем случае на пенсии — вернуться придётся. А то и депортировать могут.

— Я всё понимаю. Но сейчас-то мне зачем торчать там, где работы нет?

— Резонно и логично. А как насчёт Киева? Или Харькова? Да, оклады не московские. Но ты там хотя бы не иностранец.

— Скоро стану. Получу российское гражданство...

— Тоже дело нелёгкое. Не думай, я тебя не отговариваю. Просто хочу окунуть в ту самую реальность. Если она тебя не пугает — дерзай. Но помни — в Москве полно перспектив,

и вместе с тем полно и опасностей.

Мишка прикусил губу. Ему ли не знать, что опасность может грозить в любом городе.

— Не исключено, что у тебя действительно всё сложится. Чего я желаю тебе от всей души. Но помни ещё одну важную вещь — **в Москве всё найдёшь, кроме родных отца и матери.** Не забывай про них. Так, как им, ты больше никому нужен не будешь.

Мишка грустно усмехнулся — родителей он похоронил в прошлом и позапрошлом году.

— При чём тут «нужен»? — поморщился юноша. — Человек переезжает куда-то не потому, что он там кому-то нужен, а потому, что это нужно ему самому.

— Согласна, — блондинка приподнялась. — Мои родители пытались меня разубедить — мол, где родился, там и пригодился. Но, живи наши предки с такими постулатами, они не только Сибирь не освоили — из Африки не вышли бы.

— Но, — протянула «корейнка». — Они вообще хотели уходить из Африки? Их голод выгнал. И из провинции в Москву едут потому, что у себя нельзя заработать.

— Человек с золотыми руками везде нарасхват. Мой папа — обалденный плотник, резчик по дереву, без калымов ни дня не сидел, у него заказы со всей области. Но по мне — профи тем более вправе выбирать, где ему пригложаться, не так ли?

— Конечно, — резюмировал Мишка. — Если ему на родине хорошо — остаётся за него порадоваться. А если плохо — осуждать его переезд никому не дозволено, да и кого это должно волновать?

Состав дёрнулся и покатил, плавно набирая ход.

Глава 2

Часы обнулились и начались новые сутки. Попутчицы уже спали. Не спалось лишь Мишке — сквозь полуприкрытые веки юноша вглядывался в полумрак, то и дело разрезаемый светом фонарей, и анализировал своё прошлое, которое ещё вчера... Нет, уже позавчера, мерси пардон за тавтологию, ушло в прошлое.

Детство Миши Марченко мало отличалось от детства большинства его сверстников на позднесоветском, а с 1991 года — и постсоветском пространстве. Мать и отец. Двухкомнатная квартира. «Жигули». Садик. Школа. Учился Мишка посредственно — перебивался с тройки на четвёрку. Иногда ловил «гусей», но и «пяточок» мог заслужить. Вполне обычный среднестатистический школьник.

В девятый класс парень идти отказался. Родители, Василий Михайлович и Александра Александровна, были счастливыми обладателями университетских дипломов, и Мишкино волеизъявление обрадовало их не сильно. Но, зная своего сына, не настаивали. Понимали и то, что система высшего образования в девяностые по инерции катилась по советским рельсам, и с троечным аттестатом поступить в вуз можно было либо чудом, либо по протекции «мохнатой лапы», кому выпала удача иметь таковую среди родни.

В ряды пролетариата Мишка тоже не особенно метил. Ви-

дел себя знаменитостью — в идеале артистом со скандальной репутацией.

Живи быстро, умри молодым — вторая половина девиза рокеров и панков Мишке не очень-то нравилась, и всё же прожить яркую, насыщенную, но короткую жизнь для него было предпочтительнее, чем до ста лет, как он сам любил говаривать — тухнуть болотной водой.

Первую же половину Мишка активизировал в восьмом классе — взял моду всё чаще пропадать на улице, интерес к учёбе упал до нуля, а на замечания родителей со смехом отвечал:

— А чё такого? Все пацаны гуляют, развлекаются, а я чё, лох — возле мамки тереться?

В ПТУ Мишка окончательно отбился от рук.

Беда одна не ходит — в автокатастрофе погиб Василий Михайлович.

Александра Александровна смерть мужа переживала тяжело. Вместе с тем трагедия сблизила её с сыном. Мишка, видя страдания матери, теперь выходил только на учёбу и за продуктами. Всё остальное время парень проводил дома.

Мать, однако, это не спасло. Спустя неполный год после гибели мужа умерла и она. Училище взяло Мишку на гособеспечение.

В 1997 году наш протагонист³ весной справил совершен-

³ Протагонист — главное действующее лицо произведения, центральная фигура в сюжете.

нолетие, а летом получил целых три документа — диплом автослесаря, водительское удостоверение и аттестат зрелости.

Самостоятельное бытие у Мишки началось относительно недурно, благодаря квартире и вкладу в «Ощадбанке», что ему оставили родители.

Сбережений хватило до октября. С работой было глухо — вакансии имелись, но по специальности парня не брали — ни автослесарем, ни водителем.

Дворником же идти — копейки, ни поесть, ни попить, ни за коммуналку отдать.

Подъёмные — четыреста гривен (что равнялось примерно среднему квартальному доходу по Запорожской области) — выдали вовремя. На радостях Мишка поехал «с шиком» на такси в центр города, где находилось его любимое кафе-мороженое.

Юноша заказал две вазочки холодного лакомства, четыре пирожных и три бокала сока — яблочный, апельсиновый и вишнёвый.

Едва заказ принесли, рядом как ниоткуда появилась улыбчивая брюнетка одних с Мишкой лет. Броский, несколько вульгарный макияж, зеркальные очки, чёрная кофточка с декольте, красная лакированная мини-юбка, колготки в крупную сетку...

Увидь её парень спустя десятилетие — несомненно, при-

нял бы за представительницу древнейшей профессии. Но в девяностые так одевалось большинство девушек — и совсем молодых, и за тридцать.

— Привет! — подмигнула девушка.

— Привет... — растерянно уставился на неё Мишка. —

А мы разве знакомы?

— Мм... Мы в разных классах учились. Но в одной школе. Тебя не Миша зовут?

— Да...

— А меня — Яся.

— Как-как?

— Я-ся. Ярослава. Познакомимся, — скорее утвердительно, нежели вопросительно обронила девушка, садясь визави.

Внимание красотки Мишке польстило. Парень придвинул к ней одну из вазочек.

— Сок будешь?

— Буду!

— Выбирай!

— Ну... Давай вишнёвый.

— Пирожное?

— Нет-нет, я соблюдаю фигуру.

Вечером Мишка и Яся сидели на кухне у него дома и непринуждённо болтали.

— Неплохо у тебя, — с хитрецей улыбнулась новая подруга, обводя взглядом стены, оклеенные скромными узорча-

тыми обоями, старую газовую колонку, плюс-минус того же возраста гарнитур и холодильник «Кодры». — Уютно. Было.

— Что поделать, — покачал головой юный хозяин. — Пока не научился вести быт.

— Спокойно, дружок, — обняла его Ярослава. — В самом ближайшем будущем эта проблема сойдёт на нет.

И поцеловала Мишку в губы.

— Может, не стоило бы спешить? — Мишка не был настроен на столь шустрый поворот.

— А почему — нет? — с соблазнительной интонацией поинтересовалась Яся.

— Ну... Сначала бы присмотреться, получше друг друга узнать...

— Это отговорка тех, кто перебирает или вежливо сливает. Я к тебе уже давно... Ээ... питала чувства. Просто подойти не решалась — со стороны девушки как-то не принято, да и твои родители могли меня счесть... Эээ... легкомысленной, что ли...

— А сейчас решилась...

— Да. Увидела тебя и сразу поняла — моё. А касаясь «жениться» — ты ошибся, Мишенька.

— Ошибся?

— Ну да. Мои родители, между прочим, тоже поженились в восемнадцать. И — ни разу не пожалели. Ну что, где у тебя ванная?

— Здесь, — Мишка показал рукой на маленькое окошко

под потолком. — Только там нет щеколды.

— И не надо. Она совсем ни к чему.

— Конечно, милая. Я не зайду, не бойся.

— То есть как это — не зайдёшь? — Яся обиженно надула губы.

Проснулся Мишка в двенадцатом часу дня, не замедлившего преподнести новый сюрприз — в противовес вчерашнему приятному — неизмеримо более неприятный. Ярославы рядом не оказалось.

Мишка надел трико и пошлёпал через проходную комнату в направлении кухни.

— Стопэ! — гаркнул слева мужской голос.

Мишка от неожиданности передёрнулся. За столом сидели два крепких бритых парня в кожанках.

— Вы кто такие? — оторопел юноша. — Что вы здесь делаете?

— Тпр-ру, дорогуша, — подмигнул один из непрошенных гостей, постарше. Его левую щёку пересекал белёсый шрам, берущий начало от подбородка и доходящий до уха.

— Подь сюды, — осклабился второй, совсем молодой паренёк с серьгой в ухе. — Да-да, сядь-ка на диванчик, нам со Шрамом потолковать с тобой охота.

— О чём? — Мишка всё ещё не понимал, что всё это значит. — Где Ярослава?

— Вот как раз о ней мы с тобой и желаем побеседовать,

— вкрадчивым интеллигентным голосом произнёс Шрам.

— Куда она делась? — нахмурился Мишка.

— Ну как — куда? Домой ушла, вестимо. Сам пошевели извилинами, какая нормальная девушка останется ждать, когда насильник проснётся и продолжит её насиловать?

— Насиловать???

— Именно, — ухмыльнулся Шрам.

— Да ты чё, охренел? — взвился Мишка.

— Щас **ты** охренеешь. Серьга, ну-кася успокой пассажира.

Серьга вскочил и без предисловий зарядил Мишке в челюсть. Тот свалился на диван. Из разбитой губы потекла извилистая струйка крови.

— Ну чё, тебе сейчас все кости переломать? — вразвалочку подошёл Шрам. — Или предоставить сию привилегию зекам в СИЗО?

— Ты чего? — просипел Мишка. — У нас всё было по согласию!

— Это ты будешь объяснять следакам. Заявление на тебя уже написано.

— Твою же дивизию! — запаниковал Мишка. — Познакомился с девушкой, называется. Что теперь, и не знакомиться?

— Почему же? — засмеялся Шрам. — Знакомиться — всегда пожалуйста. А насиловать — низ-зя! Так что пометишь, аки сокол, на зону.

— И не важно, что полетишь, — безапелляционно отрубил Серьга. — Важно, по какой статье.

— Лично мне не хотелось бы туда ни по какой, — мотнул головой Мишка. — На воле всяко оптимальнее.

— А котелок-то варит, — подмигнул Шрам Серьге.

И, повернувшись к Мишке, с серьёзным видом провозгласил:

— Я рад, что ты готов к диалогу. Наши условия: ты нам кладёшь десять тонн гринов, и заява отзывается.

— Но у меня нет таких денег...

— Но у тебя есть квартира. Она стоит погуще. Остатка тебе хватит на небольшую комнатку. Ну или на хату-мазанку в какой-нить деревушке. Разведёшь вишнёвый садочек, свинюшек, встретишь гарну дивчину, и будете кайфовать в своё удовольствие, пить горилку и сальцом закусывать. Здорово, не так ли?

Мишка внезапно вспомнил, что видел эти рожи уже не однажды. Они его, как оказалось, выпасали.

А Яся... Нет, она в него и не собиралась влюбляться. Лже-невеста сотрудничает с бандитами. И, конечно же, ни в какую милицию они не обращались. А зачем? Они сами себе и милиция, и прокуратура, и закон.

— Ладно, — выдохнул Мишка. — Если я виноват, пусть меня судят, сажают...

Почему бы и не сыграть в рулетку — шансы на оправдание должны быть.

— Ты чё, в натуре этого хочешь? — навис над Мишкой всеми своими ста с лишним килограммами Шрам. — Знаешь, как паршиво на зоне? Особенно таким, как ты.

— Таких, как я, больше нет, — пошутил Мишка. — Я уникальный.

— Вот таким вот уникальным там живётся хуже всех. Ну, смотри сам. Только учти, твоя посадка возмещения морального вреда не отменяет. Платить всё равно придётся. На зоне ты вряд ли много заработаешь. Да и после — далеко не факт, что рассчитаешься. Счётчик, сэр! Который вращается независимо от обстоятельств. Пятьдесят процентов годовых. Прикинь, скока выйдет за пять лет.

— Но можно обойтись и без посадки, — глумливо хохотнул Серьга. — Просто переписываешь хату на Яську, получаешь три тыщи баксов, и свободен, как негр!

— Точно? — выдавил Мишка.

— Обижаешь, — удивлённо протянул Шрам. — Мы — не Кабинет министров и не Верховная Рада, и никогда никого не кидаем. Пацан сказал — пацан сделал. Давай доки, и без глупостей.

Мишка открыл секретер, за которым ему было удобно колдовать с уроками, и где он по-прежнему держал писчебумажные принадлежности — в нижней секции, и документацию — в верхней.

— Какие доки?

— Ты чо, баран? Свидетельство о праве собственности!

Хозяин трясущимися руками вынул бирюзовый бланк.

— Молодец, — крикнул Шрам. — А теперь ксиву.

— Какую ксиву?

— Ну харэ придуриваться. Паспорт, по-вашему.

— Ах, ну да! — незаметно улыбаясь, юноша снова полез в секретер и извлёк на свет синюю книжку с блестящим трёхзубцем на обложке.

— Вотя! — с делано довольным видом Мишка протянул документ Шраму.

— Ну молодцом, — похлопал тот его по плечу. — На той неделе — приём у нотариуса. Конкретную дату сообщим завтра или послезавтра. Твой телефончик у нас записан. Ну всё, покедова.

Бандит больно щёлкнул Мишку по носу и двинулся к выходу. Серьга засеменил следом.

Глава 3

Заперев за непрошенными гостями дверь, Мишка в полной мере уяснил, что в родной квартире ему не жить.

И что поделаешь? Идти в милицию бессмысленно. Но в его силах обтяпать всё так, чтобы квартира не досталась и бандитам.

Наиболее доступный и приемлемый вариант — уехать. И не просто в другой город — у этих козлов могут быть длинные руки. В другую страну! Внутри СНГ пока можно ездить по украинскому паспорту, и лучше всего для миграции подойдёт, конечно же, Россия.

А в какой город? Да нечего и думать. В Москву! Там легко затеряться. Потом — жениться, выправить российское гражданство, сменить фамилию...

Мечты-мечты, скажете вы. — Как же он уедет в Россию, если у него забрали паспорт?

Забрали. Да не тот. Нет, наш герой не подсунул бандюкам чужой документ. Они его при нём пролистали, и, убедившись, что данные совпадают, изъяли в непоколебимой уверенности, что ксива легитимная.

Значит, она была фальшивая?

Нет, нет и ещё раз нет. Самая что ни на есть настоящая, оформленная в позапрошлом году, когда Мишке стукнуло шестнадцать лет.

А в восемнадцать, незадолго до излагаемого прецедента, наш дорогой товарищ ключевой документ посеял. И заявил об этом в милицию.

После протокола и штрафа за небрежное хранение Мишке сварганили новую паспортину. Старая нашлась в тот же вечер — на дне платяного шкафа. Рассеянный громадянин⁴ просто сунул синюю книжку мимо кармана.

Представителей власти Мишка не проинформировал. Как оказалось, правильно поступил. Документ, находящийся в розыске, ему только что здорово пригодился.

Парень пошёл на кухню и водрузил на плиту чайник с заваренной мятой. Надлежало успокоиться и построить план действий.

Деньги у Мишки имелись — триста пятьдесят гривен с мелочью. Чтобы добраться до Москвы, снять комнату и протянуть пару месяцев — вроде должно хватить.

Самое сложное — выехать из Мелитополя. Бандиты могли организовать слежку (с них станется). Но соглядатаев немудрено перехитрить. Одеться в отцовскую одежду (не зря Мишка её не выбросил!), приклеить усы, надеть очки — и вид совсем другой.

В красно-синей сумке с жёлтой стилизованной надписью «Олимпиада-80» поместится всё необходимое для успешного побега. А необходимо для него не так уж и много. Паспорт и права. Записная книжка. Бельё, полотенце, мыло, зуб-

⁴ Громадянин (укр.) — гражданин.

ная щётка, дезодорант. Кружка, ложка, вилка, две тарелки — глубокая и мелкая. Нож.

Можно ограничиться документами, а всё остальное — купить по прибытию. Но если нужные вещи в сумке улягутся (а сумку, бесспорно, взять надо), то зачем деньги тратить? Пригодятся.

Переодевшись, Мишка подошёл к трюмо, стоящему в прихожей.

— Что вы здесь делаете? — машинально вырвалось у Мишки. Из зеркала на парня недоумённо таращился пышноусый дядька лет сорока, в советских очках и выдавшем виды зелёном свитере с белыми оленями.

— Отлично, — ободрил себя «дядька». — Не узнают.

Нет, если присмотреться — идентифицировать, в общем-то, реально. Но кто, ища молодого пацана, будет присматриваться к мужику средних лет? Единственный дискомфорт — отцовские очки с минусом, глаза немного режет, но один вечер можно потерпеть.

Напоследок оглядев квартиру, в которой прожил восемнадцать лет, Мишка щёлкнул замком и вывалился на лестничную клетку.

— Стоять! — раздался сбоку до боли знакомый и до тошнотики ненавистный девичий голос. — Куда намылился?

Рядом, на нижней ступеньке лестничного марша, стояла... Ярослава.

— Да я... Так, погулять... — выдал Мишка первое, что

пришло в голову.

— Да? Погулять, говоришь? С усами, в очках? И с сумкой?

— А что, я разве под домашним арестом?

— Слышь, ты от темы-то не уходи! Зайдём, погутаим.

Мишке резко захотелось спустить малолетнюю стерву с лестницы. Но в её руке возник пистолет.

— Давай в квартиру, живо! — скомандовала Яся.

Мишка повиновался.

— А сейчас, мой милый, — пропела девушка, заперев дверь изнутри, — ты мне расскажешь, куда снаряжился, и какова твоя дальнейшая программа.

— Да какой я тебе милый? Всё, я выхожу из игры. Никаких отношений у нас с тобой не будет. Даже дружеских.

— А кто говорил об отношениях?

— Да ты. Не более суток назад.

— И ты поверил, лопушок?

— Значит, действительно лопушок, раз поверил. Но. Во-первых, по твоей логике сам себе доверять перестанешь. А во-вторых, зачем ты, в таком случае, со мной затусила? Объясни. Если не секрет, конечно.

— А ты чё, не врубаешься? Дебил, что ли?

— Может, и дебил. Не сочти за труд, объясни.

— А пацаны тебе не объяснили?

— Пацаны... Ах, пацаны! Всё-таки...

Мишка допускал, что пацаны могли прошпионить за па-

рочкой и взять кавалера на пушку. А ушедшую домой без всякой задней мысли дамочку обвинить в пособничестве — ничего личного, просто всем хоцца ням-ням.

Но почему тогда Яся ушла, не предупредив? На учёбу опаздывала, а будить не хотела? Теоретически возможно.

Но теперь сомнений не остаётся в принципе.

— Какая разница, куда я снарядился? Тебе нужна моя квартира — вот она, вся твоя! Забирай, не обляпайся!

— Ну ты или правда debil, или меня за debilку держишь. Ты мне должен передать...

— Ключи! — Мишка засунул руку в карман. — Пожалуй-ста, на!

С этими словами парень бросил уже ненужную связку девушке в лицо.

Та от неожиданности выронила пистолет. Мишка понял, что наступила секунда, решающая очень и очень много. В том числе и вопрос, жить ему на этом свете или нет.

Яся не замедлила среагировать, молниеносно нагнувшись за оружием. Столь же молниеносным был и пинок в лицо, отшвырнувший пособницу бандитов в сторону двери.

Ярослава, для которой сдать означало минимум позорное фиаско в затеянном деянии, предприняла активную попытку встать, но Мишка жёстко пресёк её, ударив девушку головой об угол. Та отключилась.

Мишка связал Ясю по рукам и ногам, заткнул ей рот полотенцем, после чего принёс из ванной ведро воды и погрузил

в него телефонный аппарат, предварительно вырвав провод с мясом. То бишь с розеткой.

Тут же пошарил по карманам и сумочке вчерашней подруги. Обнаружил сложенную вдвое и перетянутую чёрной резинкой тугую стопку долларов.

Он знал, что воровать нехорошо. Но хорошо ли поступили **с ним**? Так что Мишка баксы не украл. Он их **взял**. Как моральную и материальную компенсацию — за то, что пережил, и за то, что ему ещё предстоит пережить.

Ведь впереди — долгий путь, полный опасностей, соблазнов и прочих нежданчиков — и приятных, и не очень.

«Макаров», разумеется, беглец тоже «приватизировал» — в обстановке лихих девяностых оружие пригодится не меньше упомянутых долларов. Если оно заряжено хотя бы одним патроном.

И то — не исключено, что имел место чистый блёф. Или «ствол» вообще не настоящий? Всё равно пригодится — вряд ли кому-то, как и Мишке, захочется испытывать судьбу, гадая, есть там патроны или нет. И всё-таки их наличие никак не может быть хуже их отсутствия.

Мишка вынул магазин и впервые за два часа похвалил непрощенных гостей. Ай да молодцы бандиты, снабдили подельницу.

Удовлетворённо улыбнувшись, Мишка вышел, оставив дверь слегка приоткрытой. Совсем ни к чему, если Ярослава, не сумев освободиться, умрёт от голода или жажды. Па-

рень не имел желания брать на душу смертный грех, да и ответственность в этом случае грозила солидная, причём на самом что ни на есть юридическом базисе.

Лишь бы не распуталась до вечера...

Итак, какие будут автобусы по расписанию? Сейчас — в Симферополь. Не то. А вот до Днепропетровска. До отправления чуть больше часа. Мишка купил билет.

Тем временем Ясе удалось ослабить верёвку на руках. Через несколько минут она освободила и ноги.

Не утопи Мишка телефон, у Ярославы и её криминальных дружков оказалось бы в запасе целых полчаса, и шансы довести чёрный замысел до победного конца возросли в геометрической прогрессии.

Теперь же Яся — избитая, ограбленная и униженная донельзя — была вынуждена ковылять к Шраму босиком — лакированные чёрные туфли, украшенные серебристыми пряжками со стразами, подарок отца на день рождения — Мишка предусмотрительно снял с неё и уволок в пакете для мусора, выкинув в контейнер за домом.

Узрев верную подруженицу в непарадном виде — опухшее, перепачканное кровью и косметикой лицо, представляющее собой сплошной синяк, растрёпанные волосы, всегда бывшие элегантной причёской, порванные колготки «Омса», которые он презентовал ей две недели назад, Шрам основательно взбесился.

— Кто это сделал? — прорычал он.

— Пройти-то дашь? — взвизгнула Яся.

— Да, конечно, — Шрам галантно отпрянул. — Сейчас я тебе ванну с ромашкой организую...

— Да какая в жопу ванна? — заорала верная подруженица пуще прежнего. — Какие ромашки? Надо того козла искать по горячим следам!

— Найдём, три зуба даю. Ты хоть запомнила его?

— Я? Его? Не запомнила???

Ярослава, сбиваясь, вкратце поведала, во что вылился её визит к оболваненному лошку.

— А за каким лешим ты к нему попёрлась-то, дура? — вспыхнул Шрам. — Ты понимаешь, что могла не выйти живой из евонной берлоги?

— Это ты, — топнула необутой грязной ногой Яся, — дурак и ничего не понимаешь. — Если бы я к нему не попёрлась, мы бы и не узнали, что он сбежал, въезжаешь?

— Сбежал??? — Шрам едва не сел мешком на пол, сообщив, что тщательно спланированный алгоритм с громким треском едет по швам. В сущности, сбежать можно и без паспорта. В другой город на попутке — ноу проблем, да и на автобусе запросто — паспорт при покупке билета не спрашивают. А там — заляжет на дно, и ищи-свищи...

— Да сбежал, — выпалила Яся таким тоном, как будто во всём была виновата пропущенная запятая. — Я-то думала, Алька прав...

— Какой Алька?

— Пони. Алька Пони. Ты сам мне его в пример приводил.

— Во-первых, он никакой не Алька и тем более не Пони. А Альфонсе Габриэль Капоне. А во-вторых, при чём здесь он?

— Он говорил, что с помощью доброго слова и пистолета...

— Имея в виду умных людей. К которым ты определённо не относишься. Волыну профукала. Аванс за работу — тоже. Эх, не будь ты моей подругой...

— Харэ рассуждать! — снова топнула ногой незадачливая аферистка. — Надо действовать!

— Да, надо, — кивнул Шрам и схватил лежащий на тумбочке сотовый телефон.

— Алло, Серьга! Слухай, тут ботва содеялась... Короче, этот гаврик слинял! Ну как, как... Молча! И вдобавок Яську отоварил по полной! Угу, за такую лажу в падлу утираться! Короче, бери двоих пацанов и дуй на вокзал. Чего? Тебя учить, что ли? Цапаешь в безлюдном месте. Сядет на электричку — едешь с ним на электричке. А? Какой ещё в задницу поезд? У него ксивы нет, он на него билет не купит... Стоп, шас дам «трубу» Яське, она тебе его опишет, а то он замаскировался — мать родная не узнает. Вызову Шину и Гвоздя — со мной поедут на автостанцию...

— А я? — обиженно протянула Ярослава.

— А ты сиди здесь. Принимай ванну, пей чай...

— Нет! — чуть не взревела Ярослава. — Я хочу ехать с тобой!

— А на что ты нам там-то?

— Я хочу видеть, как эту скотину поймают. Только дай мне туфли.

Шрам присвистнул.

— Да у меня твоего размера-то и нет... У тебя какой?

— Тридцать седьмой, — Яся шмыгнула расквашенным носом.

— Во-от. А у меня — сорок пятый.

— Плевать. Главное — обуться. Вообще — нам пора спешить. А то мы уже полчаса базарим.

Две затонированные «под ноль» чёрные «девятки» с лихо задраным задним мостом неслись по Мелитополю, взяв курс на железнодорожный вокзал и автостанцию.

Мелитополь — город довольно компактный, на машине его реально пересечь от края до края минут за десять, не торопясь. До станций же и того ближе. Но бандиты торопились — Мишка мог уехать в любой момент.

С переодеванием он переборщил — фактура получилась, с одной стороны, почти неузнаваемой, но с другой — очень заметной. И если поспрашивать пассажиров на небольшом (а в Мелитополе больших и не было никогда) вокзале — видели ли усатого дяденьку в зелёном свитере и коричневой куртке, то отрицательно ответят только те, кто его не видел. Бандиты

решили обернуть против Мишки его же хитрость.

«Ладу», устремившуюся к терминалу электричек, вёл Серьга. На заднем сиденье расселись его лучшие дружки — Тазик, лупоглазый губастый блондин, что-то бормотал себе под нос, а Сосулька, худой жилистый парнишка, постоянно перекачивал во рту карамельку.

Во второй «Самаре» за рулём сидел сам бригадир. Рядом с довольным, насколько это было возможно в её положении, взором восседала Ярослава, ни капельки не сомневающаяся в том, что не далее чем завтра лично приставит «ПМ» к Мишкиной голове.

Сразу она его не застрелит, конечно. Сначала неплохо бы превратить его в кисель, совершенно аморфное и неменяемое существо, которое без разговоров подпишет привезённые ему бумаги. А уже потом — не откажет себе в удовольствии нажать на спусковой крючок, поднявшись на новый уровень в бандитской иерархии.

Что особенно приятно — об этом будет знать весь запорожский криминал, но не узнают менты, да и остальному законопослушному населению по барабану. Был Мишка — на рядовых граждан сие обстоятельство никоим образом не влияло. Исчез — так же никто не хватится.

Впереди горел красный сигнал.

— Притопить бы, — брякнул Шина, жизнерадостный носатый парень с широко посаженными глазами. — Днепровский автобус отходит через пять минут.

— Мы чё, автобус не догоним? — пожал плечами Гвоздь, долговязый тощий хлопец.

— Ага блин, а если он не там? Прогоняем порожняк, время потеряем... Нет уж, лучше сразу просечь.

Загорелся зелёный. Шрам, не глядя по сторонам, дал полный газ...

Йиржи Плескот, дальнобойщик из Чехии, был на редкость аккуратным водителем. Выезжая за границу (а последние несколько лет это для него в порядке вещей), он автоматически удваивал бдительность — ПДД разных стран отличаются по ряду пунктов.

В тот день чеху предстояло доставить фуру шоколада на продуктовый склад в Мелитополе. А затем, не мешкая, забрать другой полуприцеп, гружённый знаменитой местной черешней, и так же — через Запорожье, Днепропетровск, Кировоград, Винницу, Хмельницкий, Львов и Краков — двигать домой, купив гостинцев для семьи.

Красавицу-жену приведёт в восторг платье с вышиванкой. Тесть — душевный толстяк, фанат рыбалки — испытает неподдельное восхищение от трёхлитровой бутылки горилки, в тот же вечер не удержится от соблазна махнуть с зятем по стакашку, оставшиеся два с половиной литра заботливо прибережёт на выходные, после чего с чувством, толком и расстановкой употребит с друзьями в процессе наслаждения природой у зеркальной глади озера, а вечером — сам угостит

домочадцев изумительной жареной рыбой под «свойской» сметанкой, купленной любимым зятем у доброй бабульки из какого-нибудь хутора.

Две милые дочурки-погодки — шести и семи лет от роду — запрыгают до потолка, увидев круглую коробку, украшенную листьями каштана и красной надписью «Київський торт» — её они, ещё не особо умея читать даже по-чешски, уже успели выучить наизусть. А когда коробку откроют — девчонок волей-неволей придётся оттаскивать от обалденнейшего десерта за уши, дабы не покрылись пятнами и оставили папе, маме и дедушке, которые, к слову, от него без ума не меньше, хотя бы половину.

На путь в один конец было заложено два дня. При условии, что всё пройдёт без сюрпризов. Об этом логистическая компания похлопотала максимально — новенький тягач «Мерседес-Бенц Актрос» скрупулёзно протестирован перед рейсом, а график согласован с другими крупными перевозчиками Европы, во избежание скопления фур на таможне.

Преодолев большую часть маршрута, хвалёная немецкая техника спасовала на одной из колдобин около Умани.

Кляня на чём свет стоит собственную невнимательность, украинские трассы и чиновников этой несчастной страны, чех полдня потратил на устранение неполадки и двинулся не спеша — лучше задержаться, чем снова вляпаться.

Вот наконец и Мелитополь. До склада и фуры с черешней

— каких-то три километра. Дальнобойщик при виде разрешающего сигнала азартно нажал педаль акселератора. Как и дятел на вылетевшей ему наперерез чёрной «Ладе»...

Светофор был неисправен. Циклы работали синхронно, и оба водителя ехали на зелёный свет.

От мощного удара малолитражка, словно мяч, отскочила в сторону и намоталась на столб, на котором висел один из неналаженных светофоров.

Йиржи механически перенёс ногу на тормоз. Фуру занесло, перегородив дорогу.

Чех не мог поверить, что случилось то, что случилось. Но, как в замедленной съёмке, перекрёсток стал наполняться народом, и до бедного шофёра дошло, что это не сон, а страшная явь.

Йиржи выпрыгнул из кабины, сел у колеса и громко зарыдал.

Супруга дальнобойщика вышиванки не дождалась. Тестю пришлось взять на рыбалку привычное пиво. И зятя — чтобы отошёл от потрясения. И лапочки-дочки не полакомились безешками с орешками.

В контексте ужасной передраги, приключившейся с мужем, зятем и отцом, все были рады без памяти, что он воротился домой живым и здоровым.

Чего нельзя сказать о сидящих в «девятке» — Шрам, Яро-

слава, Шина и Гвоздь погибли на месте.

Глава 4

В Днепропетровске Мишка ни разу не бывал. И на сей раз лицезреть воочию очарование сего мегаполиса ему не довелось — прикатил в первом часу ночи. И выехал в Харьков, не дожидаясь утра.

Днём, пока автобус вилял по улицам первой украинской столицы, нашему пассажиру даже захотелось там остаться. Но он твёрдо одёрнул себя — возможное преследование могло распространиться на всю Незалежную.

После пересечения границы Мишка пересчитал гривны. Не внушает уверенности, но на первое время должно хватить. Затем он достал Ясины доллары.

Купюры оказались различного достоинства — от пяти до пятидесяти американских рублей. Пользуясь тем, что ехал на заднем сиденье и его никто не видел, Мишка педантично рассортировал «зелёные» и начал подсчёт.

Получилась довольно приятная сумма — тысяча двести долларов. Неплохо.

Гривны Мишка по прибытию в Белгород без малейшего сожаления обменял на рубли. Вышло чуть больше двух миллионов⁵.

⁵ В России в 1990-х годах наблюдалась гиперинфляция. Таким образом, если, к примеру, проезд на автобусе в 1990 году стоил 5 копеек, то в 1997 году его стоимость составила 1000 рублей. Средняя зарплата в России на 1997 год —

Доллары свернул, стянул резинкой и спрятал подальше, во внутренний карман.

Курский вокзал встретил новоприбывшего неистовым воодоворотом толпы, текущей к поездам и от поездов, в метро и из метро, в город и из города...

У Мишки, выросшего в тихой провинции, натурально закружилась голова.

Закружилась — и тут же дала себе приказ собраться. Здесь необходимо смотреть в оба. Москва — не Мелитополь.

Да, принимая во внимание то, что произошло на днях — сравнение несвоевременное. Но. В десятиmillionном городе тем паче предостаточно и бандитов, и мошенников, и воров, да и откровенные звери в человеческом обличье встречаются. Так что, действительно, смотреть в оба — никогда не повредит.

На крайний случай в потайном кармане лежит «ПМ». По этой причине нежелательно попадать в поле зрения и милиционеров. А значит, всеми силами постараться не допускать ситуаций, за что могут арестовать. А если арестуют — скорее всего, обыщут. Обнаружат «ствол». А доков-то на него нема. Что тогда? Статья. Судимость. Депортация. Нафиг-нафиг...

И что теперь? Может, добраться до Москвы-реки или Яузы — не суть важно — и выбросить «Макаров» в посереvшую холодную воду? Буль-буль, и всё будет «Галина Блан-

ка».

Только не пожалеет ли он о сделанном? Или о несделанном — депортируют-то по месту прописки. А что репатрианта⁶ ждёт там — в пояснениях не нуждается.

Поколебавшись минут пять, Мишка решил пистолет всё-таки оставить, и, слившись с толпой, покинул стеклянную громаду терминала.

Мишка до сего дня не очень-то и осознавал, сколь велика Москва. Но, воочию углядев её кусочек, парень начал потихоньку понимать, что же это, собственно, такое.

Земляной Вал, широченный проспект, плотно застроенный монументальными «сталинками», кишмя кишел разноцветными огнями — от потока автомобилей, рекламы и подсветки... Ни дать ни взять — калейдоскоп или цветомузыка... Красиво и страшно.

Итак, новая жизнь в новом городе стартовала. Мишка будет жить в другой квартире, и жить по-другому — в частности, дома особо не посидишь. Да и не хочется — насиделся уже, пора шевелиться.

Какие планы на сегодняшний день? Первым долгом — искать жильё, само собой.

— Не найду к вечеру — остановлюсь в недорогой гостинице.

⁶ Репатриация — возвращение на историческую родину. Официальный термин, обозначающий государственные мероприятия по привлечению в страну представителей коренного населения.

нице. Оформлюсь на недельку, чтобы время не подпирало, — рассуждал наш протагонист.

Мишка купил в киоске «Роспечати» газету «Из рук в руки» и карту города со схемой маршрутов транспорта, и нырнул в вычурный вестибюль «Курской», так не похожий на вокзал, в честь которого наименован.

Изначально было иначе. Сталинские архитекторы пытались органично вписать стиль ампир в сложившийся антураж. Не только на «Курской», и не только на Кольцевой линии.

С приходом хрущёвского функционализма и брежневского конструктивизма с обликом города практически перестали считаться. Тот же Курский вокзал перестроили в семидесятых, и уже четверть века терминал и вход в метро абсолютно не гармонируют между собой. Что и помогло нашему герою быстро разыскать вестибюль. Его недра смотрелись не менее значительно — как будто в музей зашёл. Люстры, массивные дубовые двери, светлые своды с колоннами...

Мишка приобрёл в кассе месячный абонемент на четыре вида транспорта. Пятая часть рублёвой наличности потрачена.

Обновив проездной, Мишка прошёл к эскалатору.

Непрерывная лента ступенек лезла и лезла откуда-то из-под пола. Юноша, никогда доселе не ездящий на метро, поначалу растерялся, боясь ступить на очередную плитку с

протектором.

Сзади скопилась толпа. Несколько человек зашикали — не создавай, мол, пробку. Мишка чуть не прыгнул на эскалатор. Пошатнулся, но удержался, поймав рукой резиновый поручень.

Полюбовавшись шиком сталинского ампира, в котором, как известно, украшена вся коричневая линия, зачарованный пассажир с трепетом вошёл в первый вагон подошедшего поезда.

Мишка не поинтересовался, в какую сторону идёт длинный состав цвета морской волны, ведь сейчас он ехал не по конкретному адресу, ему хотелось посидеть в относительной тишине, где никто не цепляется с призывом что-то купить, или с целями гадания либо попрошайничества. Головные вагоны на Кольцевой линии заполняются только в час пик — из центра зала удобнее сесть в середину, не всем сподручно (точнее, сподружно) топтать в голову и хвост.

Сев на трёхместный диванчик в углу вагона, Мишка развернул «Из рук в руки».

Комнат в Москве предлагалось множество — на любой вкус. Увы, не на любой кошелёк. Цены — даже для непривередливого вкуса — Мишку, мягко говоря, удивили. Этак от его «лимона» до Нового года одна кожура и останется. Впрочем, у него пока лежат нетронутыми доллары. В пересчёте на рубли — примерно семь «лимонов».

С другой стороны, в мегаполисе с кусающимися тарифами

и зарплаты немаленькие. Логика проста, как три копейки. Вот только проста она, пожалуй, лишь в данном вопросе. Как Мишка давно понял, логика прослеживается не всегда и не везде. А кое-где её вообще нет. Как и тех самых копеек.

Да-да, фразеологизмы типа «копейка рубль бережёт» и «нет ни копейки» в России уже несколько лет некорректны, ибо самая мелкая монета — рубль. Образца 1992 года. За который и тогда ничего не купить было. Сейчас, в 1997, мелочь лежит в кассах и кошельках мёртвым грузом — почти все цены кратны ста рублям. За одну сиренево-голубую бумажку и коробок спичек не купить. Стоимость же билета на метро — две тысячи.

Обведя бюджетные лоты, Мишка вышел из поезда и направился к эскалатору, невольно отметив поразительную красоту станции — просторная, богато декорированная, обильно залитая светом огромных люстр...

«Комсомольская». Её название, озвученное в поезде, Мишка пропустил мимо ушей, но, выйдя и узрев эталон архитектуры и зодчества, мгновенно вспомнил повесть Лазаря Лагина. Точнее, реакцию Вольки на дворец Хоттабыча:

— Да ведь это вылитое метро! Ну прямо станция «Комсомольская-кольцевая»!

Поднимаясь вверх, парень спохватился, что не озаботился телефонией.

Без особого труда найдя отделение связи, Мишка купил

бело-голубой прямоугольник с надписью «МОСКВА 850», магнитной полосой и уголком, который зачем-то следовало отломить, и, увидев ряд аккуратных кабинок с современными таксофонами, предназначенными для междугородных и международных переговоров, всё же не отказался от удовольствия вести переговоры городские в тёплом помещении, а не на холодной сырой улице.

Двадцать пять единиц закончились неожиданно — в самый разгар обзвонів. Все звонки оказались напрасными — кто-то брал только женщин, кому-то было принципиально только россиян, а кто-то уже пустил квартирантов.

Мишка, выругавшись про себя, перечеркнул последнее объявление, купил ещё одну карточку и решил погулять по городу, а чуть позже — продолжить звонить.

Сокольники... Поистине легендарный район Москвы. Так, здесь, на фоне старинной пожарной каланчи, снимали «Место встречи изменить нельзя».

Но Мишке было не до фильмов. Его интересовали столбы и остановки, заклеенные объявлениями о сдаче жилья.

Один тетрадный листок в клетку, исписанный каллиграфическим почерком, юношу привлёк.

Предлагалась восьмиметровая комнатка в «двушке» на Открытом шоссе. Не самый ближний свет, зато оттуда ходят три маршрута трамвая, и один из них — в те же Сокольники. А район, где есть троллейбус или трамвай — явно не глухо-

мань.

Трамвайная сеть Москвы сформировались прилично давно — ещё до революции. Не зная, что собой представляет Метрогородок, Мишка по умолчанию записал его в «оптимальное сочетание цены и качества» и позвонил с таксофона.

Пока бело-голубой «КТМ» преодолевал свой привычный тринадцатый маршрут, наш пассажир снова вытащил карту и полюбопытствовал, с какими районами Открытка связана беспересадочным сообщением.

Помимо тринадцатого, ходит второй — до «Семёновской» через Богородское и Преображенскую площадь, и тридцать шестой, на котором можно добраться аж до шоссе Энтузиастов.

Не доезжая пары остановок до конечной, Мишка вышел, перешёл шоссе и начал розыск дома, где его ждали.

В Москве каждый номер очень часто охватывает несколько строений. А на Открытом шоссе их количество и вовсе измеряется двузначными числами. Мишке нужен был одиннадцатый.

Вчерашний провинциал искренне недоумевал над этой тактикой. Ладно, если какое-то учреждение — например, ПТУ. Объект один, и вполне обоснованно держать и учебный корпус, и мастерскую, и общежитие под одной цифрой. Но жилые дома, стоящие порознь — не проще ли нумеро-

вать по порядку — 1, 3, 5, 7...

Ничем не примечательная белая блочная «хрущёвка», коих по всей Москве не меньше тысячи — не сразу, но нашлась.

Мимо неё, чуть сгорбившись, семенил неряшливого вида мужчина средних лет в затёртом спортивном костюме синего цвета.

— О, пошёл, — долетело со стороны третьего подъезда.
— И куды эт яво понесло?

На лавочке восседали две бабушки такого образца, что даже если бы они молчали как рыбы, в них безошибочно угадывались завзятые сплетницы.

— Работу искать, наверное.

— Ага... Он её уж шостый год и думать забыл искать. Пятый десяток повалил, а он нязнамо чем занимается. Эх, при коммунистах яво бы научили пахать...

— И на что он живёт-то, бедолага... Никого у него не осталось. Родители уж давненько померли, с братом жил. Тот-то путёвый был, майор. Да в прошлом году в Чечне погиб.

Мишка замедлил ход. Он с детства имел понятие об этой прослойке постсоветского общества — вырастив и отправив в свободное плавание по океану жизни детей и выйдя на пенсию, обретают свободу сами и... оказываются фактически выброшенными из того же океана жизни на берег. Где у них из развлечений — только телевизор да обсуждение с себе подобными всех подряд — кто куда пошёл, кто к кому при-

шёл, кто на что живёт, кто какой рукой задницу подтирает... А уж если в их поле зрения появится незнакомец, взявший курс к кому-то из соседей — сто пудов спросят, кто таков, к кому и зачем.

Предположение подтвердилось. Пройти с индифферентным видом не удалось.

— Эй, парень! — позвала одна из пенсионерок.

Мишка остановился.

— Ты к кому идёшь-то? Не к Светке?

— К какой Светке? Я в сорок первую...

— А, к Иринке... Ну ты смотри, не обижай их там. И так судьбой обиженные...

Когда за Мишкой хлопнула подъездная дверь, тот задержался за ней — не услышит ли ещё чего интересного.

— О-хо-хо, бедная Иринка, какой крест ей достался! И мужик ейный — ни рыба ни мясо, в НИИ штаны просиживает, да по церквям ходит, грехи замаливает.

Поднявшись на площадку первого этажа, Мишка надавил на белую кнопку в чёрном карболитовом корпусе.

Дверь открыла симпатичная невысокая блондинка балетного возраста в потёртом халате.

— Это вы звонили? Проходите, разувайтесь, раздевайтесь. Вот тапки, жду вас на кухне.

Интерьер в квартире был не ахти — невзрачные советские обои, винтажная мебель и техника — телевизор «Рубин» в нише полированной югославской стенки в большой комна-

те, цилиндрическая стиралка «Волга», занявшая место раковины в ванной, пылесос «Ракета», стыдливо притулившийся в уголке... Казалось, что советский быт отсюда и не думал уходить.

О том, что на дворе 1997 год, напоминали два календаря — с водопадом, в коридоре, и с натюрмортом — борщ, пельмени, красная икра, кружка молока и ложки, разукрашенные под хохлому — на кухне. И два портативных телевизора, вошедшие в обиход именно в девяностых — на кухне и в маленькой комнате, где Мишке предстояло жить.

— Вас не смущает, что здесь всё старое? — грустным голосом прошелестела женщина.

— Нет, ничего страшного, — помотал головой Мишка и положил паспорт на стол.

— Вы с Украины?

— Да... А что, вы берёте только русских... То есть россиян?

— Нет-нет, не беспокойтесь. Меня зовут Ирина Борисовна.

— Мама, у нас гости? — раздался сзади прерывистый и хрипловатый дискант.

Мишка обернулся. В дверях стоял мальчик лет десяти с длинными светлыми, слегка спутанными волосами. Его милую мордашку немного портил нездоровый цвет серо-голубого оттенка и сильная худоба. Губы отливали синевой.

— Ванечка, это наш квартирант, дядя Миша.

— Можно просто Миша, — улыбнулся квартирант. — И на «ТЫ».

— Окей, — улыбнулся в ответ Ванечка и зашёлся в приступе кашля.

— Говорила же тебе — вставай только по надобности, — мать подхватила сына на руки и понесла в комнату.

— Простудился? — осведомился Мишка, когда женщина вернулась.

— Да если бы... — обречённо вздохнула Ирина Борисовна. — У него порок сердца.

Мишка вздрогнул.

— Врождённый, — уточнила хозяйка. — Врачи изначально не давали никаких гарантий. Честно сказали — случай серьёзный, в наших клиниках только консервативное лечение, операция за границей стоит больших денег, и достать их мы должны во что бы то ни стало, а не то он не протянет и до десяти лет.

— А сколько ему сейчас? — осторожно спросил Мишка.

— Одиннадцать, — сквозь слёзы проговорила Ванина мама. — Восьмой год пускаем квартирантов, и — как раз ему на лекарства... А тут — человек съехал, ищем уже третий месяц. Я без работы — ухаживаю за сыном, его нельзя надолго оставить. Вяжу носки на заказ. Из чистой шерсти — сестра из Беларуси присылает, она мастер на камвольном комбинате. Понадобятся — обращайся.

— Вы знаете, я шерстяные носки не ношу. Однажды в дет-

стве в них провалился в глубокую лужу, и с тех пор у меня к шерсти индивидуальная непереносимость. А то купил бы.

— На улицу я и сама предпочитаю плотные колготы. А в шерстяных спать хорошо. Попробуй.

— И что, вы только на носках кормитесь?

— Нет-нет, у меня работает муж. Научный кадр, плюс преподаёт, студентам с курсовыми и рефератами помогает. Текущие расходы с горем пополам покрываются, но, понимаешь... За последние два месяца на лекарства пришлось заниматься. И в санаторий в этом году не попали...

Мишка, по наивности юношеской, думал, что преступность — нечто агрессивное и откровенно нелюбезное. Убийства, грабежи, разбои, вымогательства... Слышал он и о мошенниках, но имел о них весьма опосредованное представление. Ему и в голову не приходило, что выглядеть они могут во всех отношениях обычно. Как, например, эта женщина.

Ирина Борисовна, впрочем, к маргинальным категориям не принадлежала. Так что им обоим неслыханно повезло, что Мишка не заподозрил неладное и не сбежал, приняв рассказ за давление на жалость. И мать с сыном снова оказались бы наедине со своими проблемами.

Осторожности Мишке ещё предстояло поучиться, но эмпатией, отзывчивостью и чувством справедливости он располагал в изобилии. И решил, что останется здесь, в простой, аскетичной, но такой душевной квартире. И суть даже не в том, что равноценного варианта он не найдёт. Найдёт, но с

девяностопроцентной вероятностью у алкоголиков, для которых сдача комнаты — часто единственный источник дохода, тратящийся (кто бы спорил) на водку. А что с ними не будет покоя — обеспечено уже на девяносто девять процентов.

Нет уж, лучше пусть деньги пойдут на лекарства больному мальчику, которому не на кого уповать, кроме родителей и Господа Бога.

Твёрдо вознамерившись пополнить вышеупомянутый список собственной скромной персоной, парень вытащил кошелёк и, не торгуясь, отсчитал указанную в объявлении сумму. Затем добавил пятьдесят тысяч.

— Две пары сорок третьего есть?

— Да, сейчас принесу, — засуетилась мадам.

Мишка не был крещён и, соответственно, не был и церковным человеком. Но, зная о том, что мир сложен разумно, и разные народы, имея разные религиозные воззрения, всё же их имеют, и в Бога верят, — не задумываясь, согласился с данной концепцией.

Парень понимал, что нельзя брать чужие вещи без спроса. И явственно чувствовал, как ему жгли карман Ясины доллары. Да, он взял их с замыслом беспрепятственного перемещения в Москву и созданию благоприятной финансовой погоды. И взял не у честных людей, а — сами знаете у кого, что естественным образом смягчает вину. Но... деньги всё-таки лучше заработать.

Мишка вышел в коридор, достал весь свой долларовый за-

пас, принёс на кухню и положил перед Ириной Борисовной.

— Это что??? — обалдевшая женщина вытаращилась на серо-зелёную стопку.

— Доллары, — спокойно пояснил Мишка. — Легко получил, легко отдал.

— Но как же... — Ирина Борисовна растерянно пыталась подобрать слова.

— Считайте, что вношу залог за год вперёд.

— Вперёд?

— Ну как... Оплату я, конечно, постараюсь не задерживать. Но вдруг — ну мало ли, сразу не трудоустроюсь — вычтете из них.

Ирина Борисовна тоже не заподозрила ничего странного. Может быть, её, выросшую в СССР, пока не одолели сомнения в существовании людей, способных выручить если не бескорыстно, то на действительно взаимовыгодной основе. Возможно, ей пришёлся по душе юный обладатель американских рублей — он вызывал доверие. Или же — деньги для женщины были до такой степени большим (в буквальном значении) вопросом, что вникать в обстоятельства ей мнилось излишним — отдать бы долги и купить сыну лекарства. И на санаторий хватить должно.

Глава 5

— Ах, дочка, ты моя дочка! — был в голос солидный мужчина в кожаном плаще. — Ах, дочка ты моя милая! Кем же я теперь буду гордиться? На кого же я буду надеяться?

Вадим Кузьменко, бизнесмен из Запорожья, с детства любил идти против системы. Даже если в этом для него не было ощутимой пользы — конфронтация с «отсталым и ограниченным» социализмом, «не дававшим людям нормально жить», шпилила его по умолчанию.

Годам к четырнадцати бунтарь не стеснялся озвучивать свою мечту жить богато и роскошно — миллионы долларов, шикарные машины, вилла во Флориде, гарем из девчонок-моделей разных национальностей, рестораны, путешествия... Вадим железобетонно придерживался мнения, что главное в жизни — удовольствия.

При Иосифе Виссарионовиче за такие рассуждения Кузьменко могли бы походя выписать билет в места, которые никак нельзя было назвать не столь отдалёнными — по причине расстояния, разделяющего Днепр и Колыму. И ещё по дороге, самой по себе тяжкой и зловещей — единственным желанием паршивца стало бы возвращение на родную, уютную и тёплую советскую Украину.

При Никите Сергеевиче народ подрасслабился, хотя вправлять мозги и тогда не успели разучиться — советское

общество являлось в полной мере советским, Соединённые Штаты — низведены в ранг идеологических супостатов, и за дискуссии в крамольном векторе — уже не сажали, но по шапке схлопотать — как в переносном, так и в прямом смысле — можно было запросто.

Вадим же родился через полгода после отхода отца народов в мир иной. При Кукурузнике — ходил в садик и младшие классы. Высказывать диссидентские убеждения начал годам к четырнадцати, когда всю царствовал... простите, **генсечил** Леонид Ильич. Советская страна, выстояв полвека переворотов, войн, репрессий и иже с ними — наконец-то позволила себе спокойно вздохнуть, нужно было кому портить настроение из-за какого-то обиженного умом балбеса.

С грехом пополам натянув на троечный аттестат, балбес волей-неволей выбрал профессию в ПТУ и три года делал вид, что учится.

Получив диплом, Вадим кайфовал четыре месяца. Кайф прервала повестка в армию.

Стиснув зубы, юный американист формально отчеканил текст присяги и теперь уже два года делал вид, что служит, так же формально прикладывая руку к фуражке и с хитрой усмешкой рапортуя:

— Служу Советскому Союзу!

«Отслужив» (с учётом изложенного, кавычки здесь точно не для красоты), Вадим, казалось, перебесился — наладил тихое бытие заурядного советского гражданина. В конце се-

мидесятых женился, стал отцом, дочку Ярославу фанатично обожал. Супругу Ольгу любил тоже, и самозабвенно старался оградить семью от нужды в чём бы то не было.

В середине восьмидесятых родился сын Артур. Восторженный донельзя, Вадим вспомнил о своих школьных грёзах, и рассудил — если денег много, это, бесспорно, лучше, чем когда их мало. И смело совершил первый шаг в капиталистическое будущее, открыв кооперативный продуктовый магазин «Ява». Лейбл он взял не с потолка, подогнав первые буквы имён — дочери, себя и сына. Почему обошёл жену — остаётся загадкой. Ольгунчик же, как её нежно звал муженёк, не обиделась — инициатива благоверного ей и без того понравилась.

По истечении пары лет предприимчивый делец расширился, презентовав магазин мужской одежды «Мен». Опять же связав не только с целевой аудиторией — уже несколько товарищей с господскими амбициями сгенерировали торговые марки из личных фамилий, отрубив первый и последний слоги.

После распада Союза Украина с удовольствием ушла в автономное плавание. Так же поступили сотни тысяч громадян. Увы, начинания большинства из них, как и попытки самой Украины обрести незалежность и войти в европейскую унию, триумфом не увенчались.

У кого-то увенчались, но... Та часть предложения, что стоит перед «но», роли не играет. И эти граждане на горьком

опыте познали народную мудрость — лучше не иметь, чем иметь и потерять.

Вадим попал в их разряд. Сотни раз повидав чужие трагедии. Трупы конкурентов, да и просто помешавших ему. Их безутешных вдов, нередко при этом унаследовавших некие долги, и плачущих от голода детей. На сие удручающее зрелище он смотрел с холодным цинизмом, если не с глумливой насмешкой.

Однажды крутому воротиле перешёл дорогу молодой предприниматель, рискнувший развернуть в пригороде Запорожья цех по производству газированной воды. Работал по старым ГОСТам, качественная продукция шла нарасхват.

Продажи же в универсаме Вадима снизились. Причём спад коснулся только шипучки, поставки которой у него были стабильно налажены.

Бизнесмен затаил злобу на конкурента. Спустя неделю к полыхающему дому того неслись на всех парах две красно-белые автоцистерны, «скорая помощь» и две милицеские машины.

Хозяин и его двухлетний сын оказались погребены под завалами — добротное строение рухнуло аккурат к прибытию пожарных.

Спасти удалось только Регину, жену «газировочника» — из белого «РАФика» с красными крестами по бокам вышли фельдшер и санитар, завернули кричащую от страшной боли женщину в простыню и уложили на носилки...

Промучившись на больничной койке почти год, Регина выписалась и поселилась в квартире матери, скончавшейся от инфаркта после случившегося.

Обожжённое лицо кое-как восстановили, но для человека, потерявшего здоровье и всю семью, это было уже не важно. Два месяца бедная женщина вынашивала план мести — беспощадный и чрезвычайно жестокий, под стать воплощённому относительно неё.

Денег оставалось совсем мало, и те таяли на глазах. Но Регине они для сатисфакции практически не потребовались. За исключением покупки перцового баллончика.

И наступило утро возмездия. Проконтролировав, когда джип её обидчика выехал из ворот и скрылся из виду, женщина выждала полчаса и позвонила в массивную чугунную калитку, украшавшую не менее массивный забор, призванный служить надёжным заслоном от чьей бы то ни было агрессии, а также от жертв хозяйской агрессии.

Ольга отворила сразу же — успела выйти из коттеджа. Иначе спросила бы по домофону, кто пришёл, и вряд ли сочла нужным и разговаривать.

— Вы кто? — уставилась жена Вадима на стоящую у калитки незнакомку. И в ту же секунду струя перцового газа хлестнула ей в лицо.

Затолкав Ольгу во двор, Регина хорошенько приложила её по голове обрезком водопроводной трубы, принесённым с собой в хозяйственной сумке.

Очнуться мадам Кузьменко не довелось. С трудом затащив неподвижное тело в дом, мстительница связала её.

Та же участь постигла и дошколёнка Артура — он в тот день приболел и в садик не пошёл...

Регина прошествовала на кухню и открыла все вентили на газовой плите...

Отвезя дочь в школу и проведав магазины, Вадим поехал домой, купив сыну игрушку.

До дома оставалось меньше километра. Комфортабельный «Паджеро» весело и задорно укатывал только что выпавший первый снег мощными колёсами. Показалась коричневая крыша — черепицу для неё он закупал в Великобритании. И...

Элементы той самой черепицы, словно стоя вспугнутых птиц, взмыли в воздух. Подскочили скаты. Как в замедленной съёмке, начали разлетаться кирпичи из стен... Не прошло и минуты, как по улице растеклось огромное облако чёрного дыма.

Вадим чуть в столб не въехал от неожиданности. Тут же, выжав акселератор до отказа, рванул к своим владениям.

Выбежав из машины и толкнув калитку, хозяин едва не упал замертво от представшей перед ним картины. Среди руин, охваченных огнём и дымом, не было ни малейшего шанса выжить.

А если случилось чудо, и жена с сыном поехали в поли-

клинику...

Надежды погасли как огонь и рассеялись как дым. При разборе завалов пожарные обнаружили три тела — жены, сына и мстительницы...

Беспринципный и деспотичный бизнесмен, устраняющий конкурентов с лёгкостью выкуривания сигареты или дегустации бокала вина, с родными был до умопомрачения ласков и заботлив, и переживал гибель Ольги и Артура очень тяжело.

Похоронив жену и сына, Кузьменко отдал теперь уже единственной дочери всю любовь и внимание. Дабы обезопасить её и себя, купил квартиру в элитной новостройке — с секьюрити, забором и сигнализацией. Здесь до него врагам не добраться — ну кто будет взрывать многоквартирный дом из-за одного человека. Ой, да что греха таить, бывало и это.

Похожие апартаменты Вадим купил в Киеве — для Яси. Сам же в столицу не стремился — бизнес у него на родине, с детства вызывающей уничижительные ассоциации с индустриализацией, рабочим классом и дешёвыми тарахтящими автомобильчиками.

А вы как думали? С деньгами везде комильфо⁷. А тут и дочка, его радость, гордость и воздух, совсем недавно «почти невеста», к шестнадцати годам «заневестилась» активно. И

⁷ Comme il faut (франц.) — дословно: как следует. Выражение было популярно в России в XIX веке, когда французский язык считался эталоном культуры. В настоящее время используется в просторечии для положительной характеристики чего-либо.

в один прекрасный день познакомилась с парнем, с которым не стыдно ни выйти в люди, ни отцу представить.

Нечего и говорить — Вадим своё сокровище абы за кого не выдал бы. Как-то раз спустил с лестницы пацана из параллели. Как затем объяснила дочь, они были просто друзьями. Отец, однако, виноватым себя не почувствовал, доходчиво растолковав, что дружба между людьми противоположного пола возможна только в случаях, когда обе стороны не привлекают друг друга как половые партнёры. Если привлекают (а здесь-то — к бабке не ходи), то финал закономерен.

Пацан решил в долгу не остаться, и растрепал «по секрету всему классу», что Яськин отцуха, небось, на неё имеет виды, вот и ревнует. Не, ну а чо — вдовец, никак второй раз не женится — ну кому он нужен с его характером — выводы напрашиваются автоматически.

Друзья после таких фантазий, к счастью, лишь поржали над рассказчиком, обозвав дебилом, и на следующий день забыли.

Может, забыли и не все, но горе-болтуну немислимо повезло, что слушок не дошёл до ушей Ярославы. Узнай об этом Вадим — непременно вычислил бы сплетника. Страдал ли тот олигофренией даже в стадии дебилности — доподлинно неизвестно, но тугодумом — наверняка являлся. Потому что только через полгода подумал сквозь призму вышеописанного о своей младшей сестрёнке, в силу ряда обстоятельств живущей у бабушки в деревне. И понял, как опро-

метчиво поступил, ведь малышка могла в одночасье потерять родителей и брата.

Виталий Кулеба с погонялом Шрам покориł Ярославу с первого взгляда. Он тоже вспылал к ней чувствами, и — серьёзные не серьёзные, а близкие отношения у молодых начались безотлагательно.

Узнав, что избранник — лидер одной из мелитопольских бригад, охраняющих торговцев и коммерсантов от себя же самих, Яся и не подумала ужасаться. Наоборот, было даже лестно встречаться с настоящим бандитом, пусть и не особо авторитетного масштаба. Пока. Что с того, что живёт в Мелитополе и ездит на «девятке»? Пройдёт несколько лет, и он ка-а-ак развернётся! И всё ляжет к их ногам — и Киев, и Москва, и Париж, и Лондон. Да и папочка охотно поспособствует такому перспективному зятю (это вам не какой-нибудь Дима Семицветов) в организации бизнеса. Что говорить, не всё же промышлять наркотой, крышеванием и прочими вредными деяниями.

Но гордому и независимому, аки ненька⁸, Виталию хотелось стать «всамделишным» бизнесменом самостоятельно, и к женитьбе весить не меньше брутального и успешного теста. Нет, не в килограммах — по данному параметру он уже Вадима перегнал. В обществе, дорогие мои, в обществе. Да и

⁸ Ненька (укр.) — сокр. роднёнька. Образное, поэтическое обозначение Украиньы. Синоним «мамочка».

по количеству долларов и гривен (куда же без них, родимых).

Для осуществления сих наполеоновских амбиций пану Кулебе понадобились средства — на порядок больше его среднего годового дохода. Он нацелился на основательный проект — минимум магазин или кафе. Ларёк или бочка с квасом — не то. Друзья не поймут.

К слову, подсчитывать средний годовой доход на сдельщике — априори бессмысленно. Но сумма, необходимая Шраму, столь же априори превышала его доходы за любой из трёх лет, что он рэкетменствовал. А то и за все три...

— Может, квартиру у какого-нибудь алкаша отобрать? — подал идею Виталий. — У тебя на примете имеются такие экземпляры?

— До фига, — махнула холёной дланью Яся. — Только я о них не знаю ничего конкретного. Вдруг полезем, а за ним стоят родственники. Вонь поднимется.

— Да мы и родственников, — Шрам звучно хлопнул кулаком о ладонь, — успокоим.

— Ха-ха! Поди угадай, что это за родственники и как они себя поведут. Не, давай без сюрпризов. В конце концов, рисовать бабки не обязательно с алкашами. Есть и такие, у которых просто — ни родных, ни связей, ни «крыши». Короче, никто и ничто... Да, вспомнила одного кадра — Мишку Марченко. Учился с моей подружкой. Обычный пацан. Потом в ПТУ пошёл. Сейчас тунеядствует.

— А живёт на что? Поди, у родителей на шее сидит?

- Нет, родители недавно сдохли. Вроде автокатастрофа. А на что живёт, хрен его знает.
- Может, кто-то из родных спонсирует?
- Без понятия. На неделе выясню, потерпишь?
- Не вопрос. Жду ответа, как воробей лета.
- Соловей, — поправила Ярослава.
- Какая разница? Птичка она и есть птичка. Главное, нарой инфы, да побольше.

Спустя пару дней, пробуя новинки заграничных деликатесов на кухне у Виталия, Яся вываливала информацию.

— Инфу о Мишке я нарыла. Его родители были приезжие, по распределению. Отец — из Карелии, мать — из Молдавии. О родственниках ничего не слышно, по крайней мере, он явно с ними не контактит, так что не должны помешать. Только если бухать откажется, то как вытягивать его подпись на дарственной? Утюгом пытаться?

— Да ты чё, подруга? Не думал я, что ты у меня такая садистка. А как насчёт соблазнить его и провести с ним ночку?

— Кхм-кхм... — поперхнулась Ярослава. — А ты сам-то согласен?

— Но ты же не будешь мне изменять, правда?

— Выходит, что придётся...

— Да нет, суть-то в чём? Измена — это обман, предательство. А здесь — просто работа. Улавливаешь? А напоишь до потери пульса — просто дотащи до постели, раздень и ухो-

ди. Как сделаешь дело — немедленно ко мне. Для начала же — вот тебе пистолетик. Компактный, удобный, в сумочке помещается. На всякий случай. Случаи, как в анекдоте, бывают всякие.

— Как скажешь. Для любимого дружка и серёжку из ушка.

Тщательно сконструированный план дал сбой на одной-единственной детали — паспорте. Не доведись Мишке его потерять, не пошёл бы и восстанавливать. И если бы не нашёл старый, пришлось бы отдать Шраму новый, и тогда было бы нечего и думать о том, чтобы уехать не только в Россию, но даже в Киев или Харьков. Разве что жить на нелегальном положении. И то — Виталий Кулеба к двадцати двум годам уже оброс знакомствами по всему югу Украины. Те, в свою очередь, имели связи по всей стране — максимум через два рукопожатия. Таким образом, найти сбежавшего «нелегала» шансы наличествовали, и немалые.

Но «нелегал» тупо уехал в Россию, а после того же вечера те компаньоны, кому посчастливилось выжить, о Мишке благополучно запамятовали.

Вадим, ошеломлённый страшным известием, отчаянно внушал себе, что это ошибка, и истерзанные останки, лежащие под простынёй, принадлежат не его дочери.

И когда простыню сняли, чуть не вздохнул с облегчением.

Он родную дочь попросту не узнал — всё лицо было всмятку.

Ниже, в зоне декольте, взгляд замер на лежащем точно в середине багрового кровоподтёка кулоне — золотом, с инкрустацией из мелких сапфиров, с зодиакальным символом. Он привёз его Ясе на прошлый день рождения из Лондона.

Вадим вздрогнул. Но такой кулон могла носить не только его дочь. Значит, есть вероятность... Снова переключился на изуродованное лицо. Родинка! Тёмная родинка в форме ромба под правым ухом. Ну у кого ещё такая отметина? Тем паче — в том месте, где она была у Ярославы. А уж если рассматривать комплексно...

До упора надевавшемуся на чудо отцу больше всего на свете хотелось сказать «нет». Но он не сказал это слово. Он его прокричал — низким, надрывным голосом. На весь морг.

И тут же упал без чувств.

Запорожье. Капустяное кладбище. Четыре гроба. Три — строгие, лакированные, под палисандр, и один — обитый розовым атласом, с белой кружевной оторочкой. Все по понятным причинам закрыты.

Простояв всю церемонию с каменным лицом, Вадим даже не бросил горсть земли на бело-розовый гроб. И, выйдя из трансa, узрел четыре аккуратных холмика, на которые могильщики укладывали венки.

— Дядя Вадим, мы навеки рядом. Поможем, чем сможем.

Серьга, двоюродный племянник Ясиного отца, соответственно, приходился самой Ясе троюродным братом. После гибели родителей (десять лет назад, отдыхая на даче, забыли открыть печную заслонку и угорели) воспитывался бабушкой и дедушкой. Те и не вытянули бы, кабы не поддержка со стороны Вадика — не только материальная.

Несколько лет назад умер дедушка. В прошлом году, едва успев дотянуть внука до восемнадцатилетия, в мир иной отошла и бабушка.

Серьга о прародителях почти не плакал, в отличие от позавчерашнего — в результате досадной случайности он разом потерял сестру и троих друзей.

И всё из-за этого белобрысого ублюдка, чья квартира была у друзей практически в кармане. Если бы он не ударился в бег — за ним бы не погнались. И Серьга, не обнаружив ублюдка на вокзале и приехав домой несолоно хлебавши, не снял бы на следующее утро трубку телефона и не услышал убитый голос дяди:

— Серёжа, у нас горе. Ясочка с ребятами разбились.

И не стоял бы сейчас посреди кладбища под противным морозящим дождём, сжимая от злости и бессилия кулаки.

Степень вины Ярославы и Виталия Серьга предпочёл не измерять. Виноват во всём, конечно же, Мишка. Но говорить об этом дяде племянник не стал. Не та ситуация.

Вадим же пару минут недоумённо таращился на новенькую табличку с ФИО любимой дочери, как бы пытаясь про-

читать по слогам.

Проведя взглядом по датам, первая из которых подарила ему Ясю, а вторая — безжалостно отняла, несчастный отец всецело осознал, что же, собственно, произошло.

— Ах, доченька ты моя милая! — взревел Вадим, бухнулся на венки, лежащие на родной могиле, и забился в истерике.

Глава 6

— Сегодня факультативных лекций не было, — слышался из коридора добрый мужской голос.

— Ну и хорошо. Валя, у меня для тебя... — Ирина Борисовна явно перешла на шёпот.

— Да??? Ну, ты меня заинтриговала!

Мишка доедал пельмени с майонезом, когда в кухню вошёл интеллигентного вида немолодой мужчина в синей водолазке и серых классических брюках.

— Здравствуй, друг! — тепло приветствовал юношу хозяин. — Значит, будешь жить у нас?

— Надо полагать...

— Надолго к нам?

— Как получится, — прошамкал Мишка, черпая вилкой из баночки сгусток белой массы.

— На родину вообще собираешься?

— Не собираюсь, — твёрдо заявил парень. — Мне там нечего ловить. Зарплаты совсем маленькие. На себя не хватит. И то, если удастся устроиться.

— Здесь на этот счёт волноваться не о чем. Но... скажу честно — московские квартиры очень дорогие. Так что вариантов у тебя три — или в провинции всё наладится, или всю жизнь снимать комнату, или сдать.

— Я выбираю второе, — отрезал Мишка.

— Что же, молодец, трудностей не боишься. Тебя как зовут-то?

— Михаил.

— А меня — Валентин Максимович. Большое тебе спасибо. Ты нас весьма выручил, знаешь же, какая у нас проблема. У тебя-то на первое время-то осталось?

— Да пару месяцев протяну.

— Если не уложишься, эти доллары — твой депозит.

— Да, мы уже договорились.

— Чудесно. Так и запишем. Листок заведём для учёта. О еде можешь не беспокоиться — варим суп, тарелку и тебе нальём. Чай — тоже всегда пожалуйста. Но вечером не советую. А то потом не заснёшь.

— А, спасибо. Работу искать пойду завтра.

— Завтра суббота. Тем более обещают дождь.

— Ах, да! У меня ведь и зонта нет. Но раз не пойду никуда, то всякая погода благодать.

— Валя, «Милагрос» начинается, — заглянула на кухню хозяйка.

— Да-да, иду, — встрепенулся её муж. — Миша, будешь с нами смотреть сериал?

— Какой?

— «Милагрос». Ты что, его не знаешь? — изумилась Ирина Борисовна.

— Нет, — помотал головой Мишка. — Вообще не слежу, что там крутят.

— Но «Милагрос» стоит того, чтобы хоть одним глазком... Он идёт с января...

— И называется «Девушка по имени Судьба», — поправил появившийся в коридоре Ваня.

— Да, но «Милагрос» — оригинальное название, — пояснил отец, проходя в комнату. Вот, кстати.

На чёрно-белом экране возникла ажурная надпись крупными латинскими буквами.

— Да, «Милагрос», — прочитал Мишка.

— «Секрет Тропиканки» тоже как-то по-другому называется, — блеснул наблюдательностью Ваня.

— Да. «Женщины из песка»... Внимание на экран!

Семья в компании с квартирантом погрузились в перипетии жизненного пути двух сестёр и их детей. Бóльшая часть новеллы была уже позади, однако героям предстояло пройти ещё легион испытаний...

Параллельно подкидывали сюрпризы индейцы — коренное население Латинской Америки, никак не могущее смириться с порядками, принесёнными на их землю испанцами и португальцами.

Одной серии Мишке хватило для составления впечатления о сериале.

— Суперский! — похвалил парень. — Мексиканский?

— Нет, аргентинский. Мексиканские показывали до девяносто пятого, потом бразильские, а теперь — аргентинский. Действие происходит в старину. Красивый, романтический се-

риал. Талантливые актёры, великолепные персонажи...

— Интересно, можно ли его купить, на кассете?

— Вряд ли. Кассета на двести сорок минут — пять-шесть серий. А их всего больше сотни. Посчитай, сколько кассет понадобится. Так что лучше смотреть, пока показывают. Мы их все видели — начиная с «Богатые тоже плачут».

— Ванька тогда был маленький, называл этот сериал «про Марию, Анну и лысую БERTУ».

— Ха-ха-ха! Мне так слышалось. Про Марианну и Луиса Альберто, на самом деле. После них была «Просто Мария», затем — «Дикая Роза», далее — «Аляска Кид», но его я пропустил... — грустно резюмировал Ваня.

— Лежал в больнице, — развела руками Ирина Борисовна. — Да и нам не довелось со всей круговертью.

— Ну и ладно, — махнул рукой Ваня. — Всё равно он выбивался из общего ряда. Короткий — тринадцать серий. И производство — США и Россия.

— А мы привыкли к латиноамериканским — они искренние, живые, непосредственные. Потому у нас и популярны.

— А Ванька от них прямо фанатеет. Сначала просто увлекался, а с недавних пор высказывает своё мнение, как взрослый зритель.

— Да, до прошлого года молчал, а в «Секрете Тропиканки» проявил себя как настоящий эксперт. Ухохатывался над выходками Малу, сопереживал Тоньо-Лунатику и однорукому Моряку, возмущался подлыми и циничными Донато и Ра-

кел, осуждал алчного Виржилио...

— А в «Новой жертве» сразу заметил несколько актёров из предыдущего сериала.

— Да, помню как сейчас — в кадре подъезжает машина, в ней сидят парень и девушка. Молодой человек снимает тёмные очки, и я узнаю Маркуса Фрота. И у меня вырывается:

— О! Тоньо-Лунатик!

— У многих актёров есть роли, ставшие их «визитной карточкой». В частности, Александр Демьяненко — излишне говорить, с кем ассоциируется в народе.

— И всё же его послужной список немалый...

— Да, но лично я его в иных ролях не воспринимаю. Шурик — и всё. Полагаю, и Фрота амплуа Лунатика приживётся.

— Да, — вздохнул Ваня. — Лунатика так жалко было, он никак не мог вспомнить лицо отца — у него в комнате стоял глиняный бюст, он всё пытался папу вылепить. Однажды получилось — на пляже, где проводился конкурс песчаных скульптур. Несознательно. Когда ему сообщили об этом, Тоньо прибежал, но вредный отчим успел лицо затереть. С Лунатиком натурально срыв случился. Потом, правда, вспомнил.

— И убил его отца как раз Донато. Чтобы жениться на его жене, матери Лунатика, и заграбастать его лодки. Редкостный жлоб и дерьмо.

— Но, как и ожидалось, он в итоге ответил за всё.

— Единственное, что не понравилось в Лунатике — его злорадство по поводу гибели Ракел. Её, конечно, ни капли не жалко — оторви и выброси, на протяжении сериала насолила почти всем. Но экспрессивность Тоньо — покорила. Не в плюс такому симпатичному герою.

В понедельник погода выпала как под заказ — с утра выглянуло солнце, изрядно подсушив столицу. Кое-где встречались лужи, но на фоне температуры выше климатической нормы они погоды не делали.

Да, не лето. Даже не бабье лето. Осень. Приятная тёплая осень в самой её середине.

Мишка неторопливо дефилировал по проспекту Мира, совершенно открытый новым реалиям, в подтверждение чего оставил расстёгнутой бежевую ветровку, купленную только что в торговом центре напротив Рижского вокзала, и с упоением дышал московским влажноватым, приправленным купажом из различных видов топлива воздухом.

Миновав «Алексеевскую», парень задержал взор на красном «Вольво», припаркованном у обочины.

«Чемоданистый» дизайн придавал шведскому универсалу осязаемую долю солидности. А задние фонари, заканчивающиеся на краях крыши — как бы невзначай подчёркивали если не статус владельца, то его амбиции, столь же откровенно устремлённые ввысь. Из приоткрытого окна «Вольвёшника» доносился бодрый баритон Сергея Трофимова.

Беззлобные укоры в адрес наивной безалаберной супруги заставили Мишку улыбнуться. Его посетило невинное желание оказаться на месте фигуранта песни «Скажи мне, милая...» и так же вяло воевать с закидонами спутницы жизни. Лишь бы всё было стабильно. И для этого не нужны ни миллионы (разве что в рублях), ни престиж (никогда не разделял позывы некоторых индивидов пускать пыль в глаза себе подобным), ни Париж (Москва гораздо ближе и родней). Хотя, по правде говоря, от квартиры в хорошем районе, даже в не самом фешенебельном доме, сойдёт и приличная «брежневка», как, например, вон та жёлтая девятиэтажка, да и от классной машины, такого же «Вольво», юноша, вне всякого сомнения, не отказался бы.

Ровно в одиннадцать утра Мишка сидел в коридоре перед кадровым кабинетом одного из столичных моргов.

Административный корпус. Всё должно быть строго и нейтрально. И всё-таки мрачность, унылость и траурная атмосфера негласно просочились и сюда. Стены, обшитые тёмными полированными панелями под дерево. Подвесной потолок тоже родом из семидесятых — перфорированные плиты кипенно-белого цвета давили на психику не меньше.

В качестве вишенки (или розочки, судя по форме) на торте — с перфорированного потолка важно свисала аляповатая красная люстра.

— Только венков и чёрных лент не хватает, — промельк-

нуло в голове у Мишки.

Неожиданно появившийся в коридоре плотный мужчина в коричневом костюме, до боли напоминающий партийного функционера того же позднесоветского периода, с антуражем коридора, да и самим заведением, тем не менее, не гармонировал. Весёлый сытый вид, довольное выражение лица — эталонный сангвиник и оптимист.

Мишка же был, скорее, прагматиком. Ветер в голове и безудержный оптимизм остались в школе. Уже в ПТУ парень понял, что жизнь — штука непростая.

А с диагностикой собственного типа темперамента Мишка затруднялся. В его характере присутствовала как дружелюбность сангвиника, так и вспыльчивость холерика, и вдумчивость флегматика, иногда плавно переходящая в тревожность меланхолика... Впрочем, чистых образцов эмоциональных сфер практически не встречается.

— Молодой человек, вы на собеседование? — поинтересовался мужчина.

— Да, — поднял голову Мишка.

— Кадровик отъехала, — проинформировал «костюм».
— Вечно её не застать.

Мужчина заразительно засмеялся.

— Пойдёмте, — махнул он рукой. — Без неё обойдёмся.
«Костюм» подвёл юношу к кабинету с табличкой «ДИРЕКТОР».

— Евгений Иванович, — представился директор. — Чаю

хотите?

— Почему бы и нет?

Евгений Иванович пригласил Мишку в просторный светлый кабинет, не имеющий, в отличие от коридора, ни единого мрачного элемента. Персиковые обои, мебель под «бук», оранжевые жалюзи.

Директор вытащил из шкафа перламутровую чашку и не спеша подошёл к притулившемуся в углу кулеру — сие чудо техники появилось в обиходе бывших советских граждан совсем недавно.

— Я вас слушаю, молодой человек, — Евгений Иванович вальяжно опустился в кресло. — Кем вы к нам планируете устроиться?

— Ну... Водителем. Сегодня утром звонил...

— А, на труповозку. Устаревшие данные. Наша кадровичка, видимо, забыла, что проводила собеседование ещё на прошлой неделе. Кандидат сейчас собирает справки. А вам... Какое имя носите, дружок?

— Михаил, — выпалил парень, бросив взгляд на директора. — Значит, вакансия уже неактуальна?

— Эта — да. Но у нас имеются несколько вакансий санитаров. Надеюсь, вы не боитесь покойников?

— Покойников? Мм... Вообще-то...

— Да-да, — затараторил директор. — В самой работе-то, конечно, встречается масса неприятных эпизодов, и поэтому к нам в санитары мало кто идёт.

Евгений Иванович положил перед Мишкой два шарика «Рафаэлло»

— Угощайся, я сейчас не буду расписывать, с чем санитарам приходится сталкиваться. И всё же ознакомлю с тем, что мы предлагаем. Ты ведь, наверное, мальчик приезжий?

— Да. С Украины.

— Предоставляем комфортабельное общежитие и временную прописку. Через пять лет — комната по соцнайму от города и протекция для получения российского гражданства. Зарплата...

— Нет, Евгений Иванович, извините, но ваше предложение принять не могу.

— Понимаю-с, вполне. Ну, надумаешь — приходи, всё в силе.

— Я вас слышал. Но дело-то не в том, что боюсь покойников — у меня специальность связана с автомобилями, и права есть. Надо ездить, иначе навыки перегорят.

— Ах, вон оно что! Ценю принципиальность! Но, если вдруг... На всякий случай.

Может, не будь у Мишки иных перспектив и условий, он бы и пошёл носить и мыть усопших. Но, помимо профессии, юноша не желал менять съёмную (зато персональную) комнату на общагу. Да и хозяев, с которыми успел подружиться, подводить не хотелось.

Покинув территорию морга, Мишка перешёл проезжую часть, вынул из кармана сложенную вчетверо страницу «Из

рук в руки» и сел на скамейку.

Итак. ЖЭК на Рязанском проспекте. Не ближний свет, но по телефону было сказано ясно и чётко — требуется именно водитель на легковой автомобиль. Невидимый визави добавил, что слесаря и дворники требуются тоже, тут же конкретизировав, что это к слову, и если кандидат не рассматривает такие вакансии, никто не будет навязывать.

От «ВДНХ» Мишка доехал до «Китай-города», где предстояло пересесть на Таганско-Краснопресненскую линию.

Пройдя мимо бюста Виктору Ногину, юноша спустился в соседний зал и взглянул на указатель.

Здесь поезда идут в сторону «Планерной». Следовательно, с другой стороны — на «Выхино».

Обделил вниманием Мишка соседнюю табличку. А зря. Неладное парень заподозрил, оказавшись снова на «ВДНХ».

Как так? В чём же он ошибся?

Вернувшись на «Китай-город», Мишка с несвойственной ему въедливостью изучил все таблички на первой платформе.

Батюшки-светы! На противоположной стороне поезда шли... как раз до «Выхино»!

Ничего не понимающий парень рванул на другую платформу. На ней точно так же пересекались две линии.

Всё, Мишка добрался до сути. На какой поезд где садиться — он теперь разберётся. Для него осталось интригой —

как там всё технически развёрнуто, и, главное, с какой целью?

В коммунальной конторе Мишку не приняли.

— Ну, дорогой ты мой, — развёл руками полный лысый мужчина в сером костюме, похожий на Хрущёва. — Кадровик уже уехал. Он тебе во сколько велел приезжать?

— Да я знаю, просто в метро заблудился — на «Китай-городе»...

— Угу, подробности ни к чему. Эта станция построена, как однажды выразилась моя племянница, и правда как-то «по-китайски»⁹. Я сам на ней по первому разу полчаса блуждал.

«Хрущёв» шумно выдохнул.

— Ну, вот что. Я Серёне скажу, что у тебя была уважительная причина.

— Кому-кому?

— Серёне. Кадровику. Только ты его так смотри не зови. Хотя бы при нём. Для тебя он — Сергей Алексеевич. А за глаза — пожалуйста. У нас два Сергея Алексеевича, и мы их так и различаем — один Серёня, другой Сергуня. Ну, ждём тебя завтра к девяти.

⁹ Название московского района «Китай-город» не имеет отношения к государству Китай. Самая популярная из версий ссылается на старорусское слово «кита», обозначающее связку жердей, служивших материалом для постройки укреплений.

— Завтра Покров, — уведомил Валентин Максимович за ужином.

— В церковь пойдёте? — спросил Мишка.

— Да, зайду с утра, где служба с полседьмого. К девяти мне на работу.

— Большой праздник, — вздохнула Ирина Борисовна. — А в остальном — настроение ну совсем не праздничное...

— Мишка понимающе кивнул, решив, что мадам имеет в виду свои семейные загвоздки.

Та предположения квартиранта разгадала.

— И не только это. По всей стране бандитизм, преступность. С Чечнёй год назад подписали мир. И всё равно — то теракт, то заложников захватят. А каково там простым людям...

— Да и русские бандиты не отстают — стрельба, разборки... Ты, Миша, уж будь поосторожнее, тем более в центре, — напутствовал Валентин Максимович.

— Да где угодно, — бессильно махнула рукой супруга. — Срежь бела дня убивают, похищают...

На экране маленького телевизора, стоящего на холодильнике, Татьяна Овсиенко пела «Школьная пора».

— Для нашего времени — песня двоякая, — философски заметил хозяин. — Действительно, пропадают дети. Даже из своих же дворов. То и дело сообщают — вышел гулять и пропал.

— Я читала, — подтвердила жена, — о двух случаях, ко-

гда дети, похищенные в детстве, вернулись к родителям уже взрослыми.

— И то хорошо. А сколько не возвращаются? Кстати, сегодня передали, что под Рязанью бабушка с внучкой пошли в лес за грибами и не вернулись. Милиция нашла бабушку. Убитой. А внучка исчезла.

— Капец что сейчас творится, — вздохнул Мишка.

— Потому что, как и восемьдесят лет назад, некоторые поставили знак равенства между свободой и вседозволенностью. Но мы надеемся, что ещё при нашей жизни всё утрясётся, во власть придут адекватные люди. Не может же это продолжаться вечно. А теперь расскажи, как дела у тебя? Куда ездил, что видел?

Мишка вкратце описал весёлого директора невесёлого учреждения и завершил ситуацией, помешавшей ему успеть на второе собеседование.

— Кроссплатформенная станция, — пояснил Валентин Максимович. — В одном зале поезда идут в одну сторону, в другом — в противоположную. Я раз пытался осмыслить — как туннели разных линий так переплетаются. И попал в тупик. Я же гуманитарий, а не технарь... Пастилу будешь?

Мишка долго не мог уснуть: слова про бандитов и пропавших детей крутились в голове, и только когда за окном окончательно стемнело, он заставил себя закрыть глаза. А утром, едва рассвело, двинулся на Рязанский проспект — до одно-

имённой станции метро.

Зная об особенности «Китай-города», он постарался её миновать, пересев на «Лубянке». И прибыл на полчаса раньше. Кадровика пришлось подождать.

И вот Серёня явился. В пресловутом коричневом костюме, как вошедшем в моду десятилетия назад, так и поныне занимающем в ней не самую последнюю позицию.

Впрочем, смотря где.

В частных фирмах Мишке бывать пока не доводилось, но из журналов и телевизора имел представление о дресс-коде в них. Современные клерки предпочитают чёрные, серые... В-общем, холодных оттенков.

И всё же на директора морга кадровик в ЖЭКе не похож. Внешне. Серёня, то бишь Сергей Алексеевич, был худой, кудрявый, с громким отрывистым говором и резкими размашистыми движениями.

— Ага, — весело отреагировал кадровик, узрев сидящего на скамейке Мишку. — Ты, что ли, вчера на ноге у головы заблудился?

— Да, я, — вскочил парень. — Но я заблудился на «Китай-городе». Какая нога, какая голова?

— При Союзе эта станция обзывалась «Площадь Ногина», вот и «нога». А «голова» — бюст Ногина в переходе. Мой сын его в детстве величал «колобок с бородой».

— Ха-ха-ха! Постараюсь не запомнить.

После непродолжительного интервью Сергей Алексеевич

вывел Мишку во двор.

— Видишь вон ту «Волгу» -пикап?

Кадровик распростер широкую длань в сторону чёрной «двадцать четвёртой».

— «Волгу» вижу. Но это не пикап, а универсал.

— Всё-то ты знаешь, — захохотал Серёня. — В теории. Теперь опробуем твои навыки на практике.

Кадровик покопался в кармане и извлёк ключ на брелке с логотипом Горьковского автозавода.

— За четверть часа до «Марксистской» доедешь?

— Мм... Сейчас...

Мишка вынул из сумки карту города и распластал её на капоте некогда люксового авто.

— Не надо, — махнул рукой Сергей Алексеевич. — Я покажу дорогу.

— Езжай налево, — велел кадровик, когда «Волга» остановилась на Рязанском проспекте. — Время пошло.

Проспект был относительно свободен. Как Мишка вёл машину — зависит от наблюдателя. Точнее, от его темперамента. Кто-то скажет — импульсивно и порывисто, кто-то — бойко и уверенно.

Вскоре перед капотом «Волги» раскинулась широченная площадь на Садовом кольце.

Мишка на секунду растерялся, но сориентировался по указателям и, обогнув площадь, припарковался аккуратно между вестибюлем «Таганской» и театром.

Сергей Алексеевич бросил взор на часы.

— О-о! За восемь минут управился! Ну ты, друг, даёшь стране угля! Прямо сплав Стаханова и Шумахера! Ладно, поехали обратно, да не так резво!

Польщённый парень объехал квартал и проделал зеркальный рейс, как по заказу, за вдвое больший отрезок времени.

Во дворе кадровик вручил Мишке полтинник.

— Это тебе за тест-драйв, — произнёс Серёня заметно посерьёзневшим голосом, из чего юноша заключил, что получит от ворот поворот.

— Ты меня извини, дружок, — словно спохватившись, снова посмотрел на Мишку кадровик. — У тебя, я вижу, здоровский потенциал. Но, к сожалению, взять тебя мы не рискуем. Ты парень молодой, шустрый, любишь рысачить, можешь пролететь на жёлтый... Советую умерить пыл. А то, куда устроишься — долго не продержишься. И хорошо, если на работе. А то и на этом свете. Не дай Бог, конечно... Ну, давай. Береги себя. Удачи.

Мишка пожал протянутую ему руку и быстро зашагал к воротам — у него в планах значилось ещё одно собеседование — на Пресне. Тоже в ЖЭКе.

Отдел кадров располагался в зале с двумя большими окнами. Помещение можно было бы назвать просторным, не будь в нём напихано столько мебели. Столы, шкафы, сейфы возрастом ненамного моложе заседающих здесь пятерых тёток.

— Мальчик, табе чаво? — дурашливым голосом спросила самая юная из них, коей перевалило за сорок, судя по всему, до отставки Горбачёва.

— Я по объявлению.

— А, ты, что ли, звонил?

— Я. А что?

— И ты хочешь к нам пойти водителем? — самая старшая на вид обалдело дёрнула головой, отчего химическая завивка с плохо покрашенной сединой заколыхалась, как на ветру.

— Рассматриваю вариант.

— У тебя права-то есть, друг мой ситный?

Мишка вытащил из внутреннего кармана «посвідчення водія».

— Это... Это что ещё такое-то? — «завивка» уставилась осоловелым взглядом на записи на «ридной мове» и «жовто-блакитный» биколор.

— Права, — невозмутимо поведал Мишка.

— «Права», — язвительно передразнила тётка. — У нас они не действуют.

— Действуют, — возразил юноша. — Я узнавал. Согласно Венской конвенции...

— Да нам чхать на все эти «конвекции». В нашей конторе они не действуют, и баста!

— И вообще, мы хохлов не берём!

В следующую минуту речь экзальтированных дамочек

оказалось невозможно разобрать, как обычно и бывает, когда несколько человек говорят одновременно.

Мишка терпеливо выждал, пока буря уляжется, и спокойным тоном упрекнул:

— И зачем перекрикивать? Вроде взрослые, интеллигентные люди.

— Да ты чо, с дуба рухнул? — заржала рыхлая, с глазами навывкате, брюнетка. — Здесь ЖЭК, интеллигенция у нас не работает.

— Оно и видно, — усмехнулся парень. — Сидеть на жопе и молоть языком — как по мне, так и не работа вовсе.

И вышел в коридор, оставив оппонентов переваривать выданную характеристику.

Мишке, в принципе, и собственную персону записывать в интеллигенцию в голову не приходило. Однако он и терять берега стремился не позволять — ни себе, ни другим.

— Молодец, — Валентин Максимович одобрил Мишкин поступок. — Весьма ценно уметь поставить хама на место, не опускаясь на его уровень. А лучше — его поднять до своего. Это — один из ключевых признаков интеллигентного человека. Не путать с интеллигентом.

— А в чём разница?

— Понимаешь ли, Миша, интеллигент — то же, что интеллеktуал. Образованный, начитанный товарищ. Но — часто гордый и тщеславный. А интеллигентный человек — мо-

жет не иметь никакого образования, но имеет второй ключевой признак — сначала думает, потом делает. Или не делает, если не следует.

— Так и надо. А то, что греха таить, встречаются экзemplары — сначала делают, а потом думают — а что с этим делать, и как жить дальше.

— Скажу больше — встречаются и такие, которые не думают даже потом. Пока грабли окончательно мозги не вышибут.

— Проще говоря, интеллигент — умный по диплому, а интеллигентный человек — умный по жизни.

— Совершенно верно. Теперь я и тебя могу отнести ко второй категории. Так лично я вряд ли изложил бы, хотя мне-то уж точно излишне объяснять разницу между де-юре и де-факто¹⁰. Жаль, я в своё время не был таким продвинутым. Чуть не прошляпил московскую квартиру. Просто потому, что «так было положено».

— Когда? — юноша замер.

— При Брежневе, милый мой, при Брежневе.

— Как? — у Мишки отвисла челюсть.

— Да так вот, Миша. Пытались поймать на привычке делать, как велят.

Валентин Максимович постучал пальцами по столу, будто

¹⁰ Де-юре — формально, юридически. Обычно в связке с данным термином применяется (либо подразумевается) его антоним «де-факто», означающий фактическое положение дел, отличное от официального.

отбивал морзянку.

— Если тебе когда-нибудь скажут, что ты обязан что-то сделать, потому что «все так делают», — притормози. Подумай. Возможно, уже через пять минут поймёшь, что это ловушка.

Мишка хмыкнул.

— А если не успеешь подумать?

Хозяин вздохнул.

— Иногда самое правильное, что можно сделать, — ничего не делать. Просто вовремя смыться.

Глава 7

Валентин родился в послевоенной Москве, к её восьмисотлетию, в семье художника и библиотекаря. Родители беззаветно любили позднего и единственного сына, и вместе с тем воспитывали в некоторой строгости.

Против последнего Валик ничего не имел — как известно, строгость ни в коем разе не подобает равнять с вредностью и самодурством. Нет. Строгость — синонимы ответственности, дисциплины, скромности и пунктуальности. Эти свойства Мария Николаевна и Максим Евгеньевич прививали сыну сизмальства.

Валик не являлся сугубым «зубрилой» и «ботаном». Не чурался и игр со сверстниками, и баловством на переменах — в меру, конечно. И не в ущерб более важным вещам — учёбе, помощи родителям. Сделал дело — гуляй смело.

В аспекте перечисленного было бы безумно странно, если бы Валентин бонусом к аттестату не получил как минимум серебряную медаль.

Она ему и досталась. Родители пришли в дикий восторг. С такими исходными данными образовательный процесс прекращать просто недопустимо.

Куда идти? Понятно, что не в ПТУ. И куда же, как не в институт! На что-нибудь естественнонаучное — география там, биология...

Пять лет пролетели как один миг. Валентин уверенно шёл на красный диплом, но несколько предметов не по профилю подпортили картину.

Досадно — ведь с красным дипломом не нужно ехать по распределению, а к родителям юноша привязан, и те уже немолоды.

Да и жить в незнакомом городе... Кого-то это манит романтикой, впечатлениями. Кого-то — длинным рублём. Вале же от таких перспектив было, честно говоря, неуютно. Если не сказать — страшновато.

— Не бойся, сынок, — подбадривала мама, которой от грядущих метаморфоз в жизни сына испытывала не меньший страх. — Мы всегда с тобой, где бы ты не был.

— И ни при каких обстоятельствах не отчаивайся! — твёрдым голосом припечатал папа, старый фронтовик. — Даже если... Нет, не «если», а «когда» — мы покинем этот мир, всё равно останемся с тобой. И советую помнить, что с тобой в любом случае Господь Бог.

Валентин грустно улыбнулся. Он, выпускник института естествознания, комсомолец — о Высших Силах, как и все, не мог не слышать. И, как советское большинство, не особо порывался воспринимать крупницы, доходящие до простого советского человека, в качестве основы основ.

Да и в семье Илларионовых беседы на тему религии почти не велись. Но и не избегались — Рождество и Пасху от-

мечали, да и в церковь на те же праздники заходили. Вало пару раз за это стыдили перед всем классом — всё-таки на дворе стояла хрущёвская эпоха, в чём-то давшая народу вольно вздохнуть, а в чём-то и закрутившая гайки.

Стыдили, правда, беззлобно — устав атеистической пропаганды не приветствовал бестактности, в первую очередь потому, что сие имело все шансы привести к диаметрально противоположному результату. На следующий день все обо всём забывали. «На карандаш» брали только детей из сектантских семей, как исповедующих убеждения, неподконтрольные Совету по делам религий. Православных, мусульман и прочих «традиционных» «прорабатывали» формально, посещения ими храмов и мечетей старались огласке не предавать — религия отнюдь не мешала прогрессу, кто бы что по этому поводу не думал, да и традиции население уважало и ценило.

Валентин относился к народным ценностям именно как к народным ценностям — в тонкости познания потустороннего мира молодой человек вдаваться не спешил. Всё же перед поездкой, по настоянию матери, зашёл в церковь и взял благословение.

Сойдя с поезда в Омске, Валентин поехал на закреплённое за ним место — научно-исследовательский институт, деятельность которого была связана с сельским хозяйством.

Вечером молодого специалиста ждала небольшая комната

в квартире на шесть семей.

— Принесла нелёгкая, — заворчала открывшая дверь пожилая неопрятная тётка в засаленном халате. — И так теснота — ни бзнуть, ни пёрнуть... Откелева будешь-то?

— Из Москвы я, — отрекомендовался Валентин.

— Час от часу не слаще... Уже и из Москвы к нам попёрлся. Чаво в Москве-то своей не сидится?

— Так распределили же, куда я денусь?

— Ой, батюшки! Сидел, что ли? Привалило счастье, ой-ой-ой, доля моя горемычная!

— При чём тут «сидел»? После института распределили. Вы что, не знаете?

— Ааа... Ну, я старая, мне простительно не знать. А тебе таперя доведётся изучить усе наши правила — у нас, понимаешь ли, дюже терпеть ненавидют, кады оне нарушаются. Завтра с тобой Зина, главная по квартире, потолкует. Ну а покамест я пойду — спать хочу.

Бабулька шумно зевнула и исчезла за широкой засаленной дверью.

В комнате Валентина стоял нехитрый набор мебели — кровать с панцирной сеткой, облупленный шкаф для одежды, стол и тумбочка.

Вновь прибывший достал из сумки комплект постельного белья.

— Даже подушки нет, — посетовал про себя Валентин.

И, обернув комкастый матрас чистой выглаженной про-

стынѣй, не без усилий запихал в наволочку сложенное в несколько раз покрывало, завёл будильник и нырнул в объятия Морфея...

Проснуться новосѣлу довелось гораздо раньше — на кухне кто-то загремел кастрюлями.

Спустя минуту донеслась ругань:

— Егоровна, растуды тебя через забор, ты чего, на часы не смотришь? — гремел заметно громче тех самых кастрюль властный голос, принадлежащий женщине помоложе и покрепче, но, по всей слышимости, тоже пенсионерке.

— Дык, я того... — возразил знакомый голос. — Есть вот захотела. Иди поспи, не буду греметь.

— Угу, уснёшь с тобой, колобродка. Весь дом перебаламутила, кикимора лесная. «Есть захотела»... Что тебе днём не похарчеваться?

— Дык кухня-то с гулькин нос, — оправдывалась Егоровна. — Постоянно кто-то что-то здесь творит. Нельзя побыть в тишине.

— Так нельзя, что биологические ритмы сбились, — ехидно парировала соседка.

— Чё случилось-то? — добавил заспанный и пропитой мужской голос.

— Тёща утопилась... Да опять Егоровна... С ней уж давно случилось — ложится в шесть, встаёт в три...

— Главная, видимо, — решил Валентин. — Судя по ин-

тонации и голосу, с этой тётенькой не забалуешь.

И от греха подальше отключил будильник.

С утра, прождав битых полчаса засевшего в туалете соседа, Валентин помчался на службу, не успев попив чаю.

Может, и не зря — крепкий напиток из щедрой солнечной Грузии предложил ему директор, встретивший его в фойе.

— Доброго утречка! — поздоровался упитанный лысеющий мужчина в коричневом двубортном костюме (да-да, опять и снова!) и тёмно-вишнёвом плаще.

— Здравствуйте! — в унисон ответили Валентин и вахтёрша, улыбчивая тощая бабуся с крашеными синими чернилами волосами, аки облако обрамляющими её прямоугольное лицо.

— Молодой человек, — осведомился директор. — А это не вы к нам из Москвы?

— Да, я.

— Товарищ... Илларионов?

— Так точно.

— Как-то неважно вы выглядите сегодня, товарищ Илларионов... Не выспались, что ли?

— Да, вы правы, — виновато пробормотал Валентин. — Только вчера заселился, да ещё соседи...

— Ах, соседи... Понимаю-с. Сам — дитя коммуналки.

— Да я тоже в коммуналке вырос, — развёл руками Валентин. — Но там было совсем не так.

— Коммуналка коммуналке рознь. Кому как повезёт.

Ступайте за мной, хочу с вами переговорить.

Заварив ароматный чай, Виктор Савельевич, по классике жанра, выложил перед новым подчинённым две повестки — хорошую и плохую. Начал, как и водится, с плохой.

— Нелегко вам придётся, Валентин Максимович, ох нелегко. Знаю я эту квартиру — уже четверых селили, и долго никто не выдерживал.

— Но если вы знаете...

— А куда деваться? Общага пока строится. Но могу и порадовать — квартиры для сотрудников мы выбиваем на раз-два. В течение трёх лет. Уж поверьте моему слову. А на соседей постарайтесь не обращать внимания. Слышали сказку про наговорную водицу?

— Читал.

— Надеюсь, поняли, что же помирило старика со старухой?

— Конечно. Она просто не отвечала на нападки мужа.

— Ну вот. Люди битые жизнью, с тяжёлыми судьбами. Будьте снисходительнее к немощам человеческим.

Насколько сказанное Виктором Савельевичем соответствует истине, Валентин убедился тем же вечером.

По возвращению с работы нового жильца ждало знакомство с соседями, под руководством старшей по квартире.

Тётя Зина — дородная, безвкусно разодетая женщина —

чуть ли не силой затолкала Валентина на кухню, где по случаю заварила некрепкий чай, и немедленно представила всех домочадцев, попутно обличая их во всех грехах — и смертных, и не очень.

— Вот Егоровна, — показала глазами на известную нам бабушенцию тётя Зина. — В молодости была более-менее, а когда Сталин подох — как с цепи сорвалась. Теперь Иосиф Виссарионыч для ей святыня номер один...

— Окстись, Зинка, — цыкнула Егоровна. — Креста на тебе нету!

— Ой, а ты-то его давно носила-то?

— Ага-ага, в детстве, кады не соображала ещё...

— Ага-ага, — передразнила тётя Зина. — А сейчас самая сообразительная, как я погляжу.

— Религия — опиум для народа, — буркнул потёртый небритый мужичок в столь же потёртом и засаленном пиджаке. — Эту премудрость неплохо бы знать.

— А ещё лучше знать её полностью. Кто знает?

С ответом попали в заминку все, включая Валентина.

— ...Она облегчает его страдания! — довольно провозгласила тётя Зина. — Здесь-то согласится даже такой безбожник, как наш Агапыч. При условии, что серое вещество не пропил.

— Да я и раньше не видел в религии никакой пользы...

— Чья бы мычала! От тебя-то какая польза? Только еду на говно переводишь и портишь воздух тупыми вскукареками.

Да и в буквальном смысле, что говорить...

— Ась?

— Вот тебе и «ась». Вчера все стены в уборной улил своим переработанным пивом. Вонизм был на всю квартиру!

— Не, — помотал головой дядька. — Это не я!

— Нет, я! — сорвалась на крик тётя Зина. — Ногу подняла и обоссала! Нашкодил — так вину бы признал. Мужик называется! Ты-то, часом, не употребляешь? — повернулась старшая к Валентину.

— Я-то? Нет, совсем не переношу.

— Смотри у меня! А то хватит нам и одного «водолея». Не, двух.

Тётя Зина махнула рукой в сторону молодой, бедно одетой женщины с ребёнком лет двух, мусолящим погремушку.

— Слышь, тёть Зин, ты Сашку-то моего не цепляй! Сама, что ли, в его годы на горшок просилась?

— А как же. И читать научилась в пять лет. А он? Хорошо, если в пять говорить научится. Подозреваю, что он у тебя отстаёт в развитии...

— Ой, что ты знаешь о детях! Своих-то никогда не было!

— Не было. Хотела замуж за любимого человека, а он, кобель, другую выбрал.

— Я его понимаю. С твоими-то тараканами...

— Зато ты пошла по лёгкой дорожке. Не подумав, куда придёшь. Родить не пойми от кого — много ли ума надо. А дальше что? Кому ты нужна, мать-одиночка? Третий сорт на

брачном рынке.

Такую смачную характеристику выдала старшая по квартире младшей соседке. Но та, невзирая на юные годы (а может, и наоборот — благодаря им), дерзить умела не хуже.

— Да ты-то и не третий сорт. Ты отбраковка.

Тётя Зина вспыхнула.

— Не смей так со старшими!

Затем, глубоко вздохнув, произнесла спокойным, немного грустным голосом:

— А ты права. Кто бы меня взял-то?

— Да я взял бы, — оживился Агапыч. — Пойдёшь?

Все грохнули со смеху.

— Ой, не могу! — схватила за живот тётя Зина. — Ай да Агапыч! Что мне в тебе нравится, так это твоя самооценка и чувство юмора. Но ты не обольщайся, дорогой соседка, твою кандидатуру я не рассмотрю даже от большой нужды!

— И... что — мы и будем жить как брат и сестра?

— Как... брат и сестра?.. Хотя да, как брат и сестра мы и живём. Мой-то брат, Серёжка, вообще был вылитый отец — пил, бил. От него я сюда и сбежала после смерти матери. Сказала — теперь мы с тобой только на том свете встретимся. А он возьми да помчись туда — через полгода пришла весточка, что скончался от алкогольного отравления. Ох, сколько народу эта водка сгубила...

На основе увиденного и услышанного Валентин понял,

что своим здесь он не станет. Без особых задержек начались упрёки на ровном месте.

Не там вешаешь бельё, зажёг не ту конфорку, наследил в коридоре — было лишь верхушкой айсберга.

Валентин ни с кем в пререкания не вступал — не в его принципах. Соседи же принимали данную позицию за бесхребетность и придирались по поводу и без — и Зинаида, и Маша, а о Егоровне вообще молчу...

Один Агапыч относился к временному постояльцу благожелательно — может, из мужской солидарности, может, пытался построить союз против склочных соседок, а может, и просто потому, что сам по себе был безобидный дядька. Хотя по выходным и праздникам «доставать» мог со всех сторон.

— Накатим по «губастому»¹¹? — заговорщицки подмигивал пьяница.

— Нет-нет, извините, не пью, — вежливо, но твёрдо уклонился Валентин.

— Эх... И не скучно тебе жить? Вроде неглупый парень, а тут...

Прошёл год.

¹¹ Гранёный стакан называют «губастым» из-за характерного ободка по краю. На сленге алкоголиков это может означать ещё и объём — у стакана есть два условных уровня: до ободка (200 грамм) и до краёв (250 грамм). Стакан был универсальной меркой, и разделить бутылку водки (0,5 л.) на двоих, либо вина (0,75 л.) на троих (накатить по «губастому») было очень просто.

Валентин так и не привык к соседским придиркам. Как же, привыкнешь, если те и не думают сходить на нет.

— Кошмар, — рассуждал молодой специалист в день, знаменательный для каждого коммуниста — двадцать второго апреля 1970 года. — Нет, надо срочно справляться насчёт общежития.

Через призму навалившегося наш герой не удосужился вспомнить о юбилее вождя мирового пролетариата. И даже о Чистом четверге.

Проблема разрешилась быстрее, чем Валентин рассчитывал. Двадцать седьмого апреля его вызвал директор.

— Христос воскрес! — приветствовал Виктор Савельевич.

— Воистину. Воскресе. — удивлённо ответил Валентин. Для него было неожиданно слышать религиозное поздравление от директора крупной организации, за спиной которого горделиво возвышалось ярко-красное, с золотистым оттенком, знамя на толстом дубовом древке, а чуть выше висели два портрета.

На первом хитро шурился тот, чьё столетие страна активно отмечает и кому памятники стоят в каждом советском городе.

Человек на втором фото на первый взгляд казался хмурым — из-за широких, тяжёлых бровей. Но, бросив на теперешнего рулевого второй взгляд, нельзя было не заметить его добрую улыбку и смеющиеся глаза, излучающие позитив

сквозь маску протокольного вида.

В таком же приподнятом настроении находился и Виктор Савельевич.

Предвкушённо улыбаясь, начальник достал из папки на столе командировочный документ.

Валентину предстояло поработать месяц в одном из столичных НИИ — том самом, где проходил преддипломную практику. Сказать, что он пришёл в восторг — не сказать ничего. Да и сказать нечего — целый месяц жизни в своей квартире, с мамой, без опостылевших соседей.

После приезда в Москву поток сюрпризов не иссяк. Временной начальницей командированного оказалась подруга его матери.

Пригласив на чай с печеньем, Инга Владимировна, высокая стройная дама со стильной стрижкой густых тёмных волос, в бордовом жакете и чёрной кожаной облегающей юбке, развела стажёра на откровенный разговор.

— Валя, как тебе Омск?

— Да нормально...

— Но Москва лучше, не правда ли?

— Конечно. И сама по себе, и к тому же родина.

— Смею предположить, хочешь домой?

— А кто меня отпустит? Мне там ещё два года куковать.

Хорошо, что квартиру скоро дадут.

— Значит, никаких не два. Ты это прекрасно понимаешь.

Да, тебя никто не обманывает. Квартиры действительно дают в течение трёх лет.

И, припав к уху сидящего командированного, заведующая вкрадчиво зашептала:

— Всё просто, как пять копеек. Селят в коммуналку со склочными соседями — специалист с нетерпением ждёт квартиры — получает, празднует новоселье, прописывается — и всё, никуда он не денется.

Но хорошо ли это? Если жил раньше в тмутаракани, где Макар телят не пас, то в городе ему и коммуналка в радость. А если москвич, как ты — потеряешь неизмеримо больше. Выпишешься с прежнего места регистрации — и всё, московская квартира не твоя.

Инга Владимировна выпрямилась и резво зашагала по кабинету, нацелив взор в потолок.

— И мама у тебя в возрасте. Хотелось бы, чтобы пожила подольше, и всё же все мы смертны, неоспоримо, да и здоровье у неё — сам знаешь. Папы уже нет, а ведь он поздоровее был, покрепче. Прости, что затронула эту тему, я о том, что лучше возвратиться. И маме будет сподручнее, и квартирка ваша за тобой останется.

— Понял. От квартиры в Омске откажусь. Потерплю два года и приеду.

— А зачем два года терпеть? За два года, милый ты мой, может случиться всё. В том числе — и то, о чём мы только что говорили. На это мы повлиять, увы, не в силах — все под

Богом ходим. А относительно квартиры — на Бога надейся, а сам не плошай. Здесь ситуация пока и в наших руках.

— Но... как я уеду?

— Положись на меня. Кто твой начальник в Омске?

— Кузнецов. Виктор Савельевич.

— Не переживай, всё согласуем.

Инга Владимировна пообещала уверенным тоном, как будто всё уже согласовали.

Вы удивитесь, но так и было. Виктор Савельевич — её закадычный друг со школы. И, когда Валентин готовился к диплому под кураторством Инги Владимировны, она, будучи в составе комиссии, выписала сыну подруги направление в Омск. А потом вместе с Виктором Савельевичем состряпали лазейку для досрочной репатриации Вали в Москву.

В конце мая Валентин снова поехал в Омск. Забрать трудовую книжку с предприятия.

Вещи из квартиры он по-тихому вывез утром, после чего доехал до вокзала и сдал чемодан в камеру хранения — чтобы завершить всё поскорее и больше не видеть злополучных соседей.

Правильно поступил. Иначе вляпался бы в переделку, из которой, присутствуя на адресе лично, мог и не выпутаться.

Старуха Егоровна в тот день случайно нашла на кухне ржавый ключ. И, даже не пытаясь превозмочь врождённую (или приобретённую — без разницы) въедливость, приня-

лась ковыряться во всех дверях.

Комната коммунальной владыки оказалась не заперта — та спешила и забыла повернуть ключ дважды. А один оборот не доводил засов до запорной планки.

Егоровна, не отдавая себе отчёта в том, что Зинаида может прийти в любой момент, изучила, как под микроскопом, всю обстановку, сунула назойливый нос в каждый ящичек.

Наткнувшись в письменном столе на аккуратную пачку денег, пожилая шпионка недовольно поморщилась.

— Капиталистка сраная, — процедила Егоровна и, выйдя из комнаты, ткнула ключом в скважину теперь уже бывшей берлоги Валентина.

Ключ подошёл.

В помешанную голову Аглаи пришла мысль, целиком и полностью воплощающая поговорку «что старый, что малый». Прийти-то это в голову может кому угодно, а осуществить (вдобавок спланировав крайне неудовлетворительно) по плечу разве что девиантному подростку с похожими отклонениями.

Вредная бабка опять прокралась к тётке Зине. Спустя минуту заначка старшей очутилась в кармане поношенного плаща Валентина — эту деталь гардероба хозяин не взял, поскольку та не поместилась в чемодане, да и надоела изрядно.

Пропажу денег Зинаида заметила к вечеру. Понимая, что соседей пытаться бесполезно, да и не все они дома, старшая вы-

звала милицию, по приезду которой обвинила в краже именно того, на кого сумасшедшая Егоровна и хотела перевести стрелки.

Та с радостью подтвердила подозрение.

— Он, он, родимец его возьми, больше некому. Вот, здесь он обретаётся.

Высокий серьёзный капитан толкнул дверь.

— Ключи есть?

— Только у него.

— К домоуправу сходите, — прошамкала ядовитая карга.

— Это не Валькин? — послышался голос Маши. — В почтовом ящике лежал.

— Смотался, — констатировала Зинаида. — С моими-то сбережениями.

— А ведь я с самого начала догадалась — уголовник он! — скрипнула Егоровна.

— Жуть, — выдохнула Маша.

— А на вид весь такой интеллигент из себя! — вспыхнула старшая. — Тьфу!

— Подобное случается сплошь и рядом, — объяснил высокий милиционер. — Дайте-ка ключи, посмотрим его комнату.

Открыв дверь, опер улыбнулся.

— И правда уехал. Ну ничего, мы его живо найдём.

С этими словами милиционер распахнул дверцы шкафа.

— Плащ оставил, — обронил блюститель порядка.

— Старый плащ, — отметил боевой товарищ-прапорщик. Потому и оставил.

— Ну элементарно — на кой кляп он ему, когда может позволить новый, какой захочет, — заключила тётя Зина.

— Гражданочка, потише, — одёрнул всполошённую лидершу представитель власти.

— А вот, что это? — его коллега, аки Арутюн Акопян на сцене, явил взору всей аудитории пачку десятков.

— Мои деньги! — крикнула Зинаида. — С кем мы целый год жили-то, а?

Егоровна, забившись в укромный угол, зашла в приступе сдавленного смеха.

— Значит, уехал, — сыронизировал высокий милиционер. — Манатки забрал, а плащ оставил. Нет, ну с плащом-то всё понятно — древний, изношенный. Но деньги-то он зачем туда положил? Да ещё в наружный карман, при том что наличествуют два внутренних, в каждый из которых свободно поместится три таких пачки. Он что, извиняюсь — из ума выжил?

Цепкий взор прапорщика упал на старуху.

— Аглая Егоровна, — шагнул к ней милиционер. — Я вас вспомнил. Вас два года назад принудительно госпитализировали, верно?

— Да... А чё я-то?

— Придётся проехать с нами, — отрезал капитан.

И, обращаясь к старшей, сказал:

— Зинаида Петровна, получите ваши деньги. Кроме верхнего и нижнего листа в пачке. Они нам потребуются как вещественное доказательство. На неделе вернём.

По улицам бывшей белогвардейской столицы шустро гнал фиолетовый «ГАЗик» с ярко-красной полосой вдоль борта, бодро подпрыгивая на узких колёсах с дисками, выкрашенными под цвет только что упомянутой полосы. На переднем сиденье внедорожника весело болтали стражи закона, чрезвычайно довольные столь гладко разрешившимся делом.

В заднем же отсеке, тоскливо провожая помутившимся взглядом верхние этажи домов сквозь зарешечённое окошко, сидела на скамеечке и тихо скулила Аглая Егоровна, совершенно не чающая, как объяснит свой поступок, и через сколько месяцев (если не лет) вновь заселится в коммуналку, где ей уже сейчас не больно-то и рады...

Глава 8

Пятнадцатого октября Мишка поехал в Сокольники.

Частная клиника детской хирургии и реабилитации располагалась в уютном дворе за первой линией домов на Стромынке. Четырёхэтажное типовое здание имело интерьер далеко не типовой — цветные треугольники, квадраты, круги и параллелепипеды впечатляюще пестрели на белоснежных стенах корпуса.

Холл больницы был оформлен по последнему слову — если и не техники, то дизайна — точно.

На ресепшен дежурила эффектная блондинка в персиковой кофточке.

— Чего изволите?

— По объявлению, насчёт работы, — выпалил юноша.

— Я вас поняла. Одну минуточку.

Блондинка подняла трубку и нажала три кнопки на аппарате цвета «хаки».

— А... Артём Эдуардович, — пропела дежурная. — К вам... молодой человек, насчёт работы.

Положив трубку, блондинка подобострастно отрапортовала:

— Ждите. Вас сейчас встретят.

«Русский час — шестьдесят минут», — Мишка вспомнил поговорку, которую частенько слышал в школе от учитель-

ницы русского, украинского и литературы.

Елена Павловна радела за дисциплину и была пунктуальна. То же пыталась привить и учащимся. Она с полуслова и даже полувзгляда безошибочно считывала, что означает сказанное кем-то «сейчас». А означать, исходя из динамичности и ответственности индивида, оно могло весьма обширный спектр — и «сию секунду», и «сию минуту», и «русский час — шестьдесят минут». В третьем случае Елена Павловна обличала копушу или лентяя, намекая, что он или она превосходно провозится и больше часа. А то и вовсе конвертировать обещанное «сейчас» в фактическое «никогда».

Мишка же озвучивать сей контраргумент не стал — не тот расклад, чтобы острить направо и налево. Для начала не мешало бы пообщаться с тем самым Артёмом Эдуардовичем.

А это кто, интересно?

С облицованной бело-коричневым мрамором лестницы, идущей вокруг лифта с серебристо-серыми створками, сошёл молодой человек немного постарше Мишки. Может, и не совсем немного. Но за тридцать ему вряд ли перевалило.

Одет он был в строгий, изысканный коричневый костюм, подчёркивающий его стройную фигуру (да, данное одеяние давно и прочно занимает на модном Олимпе узкую, но стабильную нишу) и кипенно-белую сорочку. На ногах красовались вычурные туфли из крокодиловой кожи. Гладко зачёсанные волосы и лёгкий бежевый плащ придавали парню некоторое сходство с Мыррой из «Служебного романа».

Вопрос только, кто на кого больше похож. Женская мода самые кардинальные изменения претерпела до распада СССР, а после — передала эстафету моде мужской. Что говорить. Хотели жить как в Европе — получите-распишитесь.

— Привет, — высоким дребезжащим голосом произнёс агент. — Ты, что ли, в шофера нанимаешься?

— Да, я, — делано уверенным тоном отозвался юноша.

— Пошли, — махнул холёной дланью метросексуал¹². — Прокатимся.

Вдоль белых стен тянулись бирюзовые двери с золотистыми табличками, представляющими специалистов, работающих за ними. Впереди отливала серой эмалью мощная металлическая створка.

Артём Эдуардович направился вниз по лестнице. Мишка устремился за ним.

Узрев на площадке внизу ещё одну такую же дверь, Мишка подумал, что она ведёт в подвал, но...

Огромное помещение, напоминающее платформу метро проекта «сороконожка», оказалось подземным гаражом.

С одной стороны стояли стройным рядом пять универсалов «Вольво» в ливрее «скорой помощи». С другой — пара десятков легковушек. «Ниссан», «Мерседес», «Форд», «Мицубиси»... И ни одной отечественной.

— Клиника с мировым именем, — Артём Эдуардович словно ответил на незаданный юношей вопрос. — Лексёв

¹² Метросексуал — модный, импозантный, ухоженный мужчина.

платит кучеряво, нафиг нам «Жигули» и «Волги».

— Лексёв? А кто это?

— О, это наш главный. ПЭрвоклассный дОхтур. Без пяти минут профЭссор. А по паспорту — Миронов Илья Алексеевич. Лексёв — мы его за глаза величаем.

— А... А мне так можно?

— А почему нет? Ты уже большой мальчик и сообразишь, при ком можно, а при ком — нет. Касается и прочего увиденного и услышанного здесь. Поэтому языком трепать не советую — конкурЭнты не дрЭмлют. Ну что, протестируем тебя на соотвЭтствие должностным обязанностям?

Артём Эдуардович определённо принадлежал к русскому племени, по крайней мере, изъяснялся без акцента. Мишке не почудилось обратного — ему не раз встречались люди, имеющие привычку при разговоре в неторопливом темпе редуцировать ударную «е» в «э». Люди это были, как правило, состоявшиеся, интеллигентные, степенные, в годах, а «эканье» со стороны молодого и современного человека резало слух.

Артём спустился и повёл Мишку к ближайшей «неотложке».

— Присаживайся, — сотрудник открыл водительскую дверь.

— Что... Так сразу? — обалдел парень. К такой красоте ему даже прикасаться не доводилось.

— Да не менжуйся ты, всё застраховано.

— Да нет, просто... с иномарками мне дела иметь не приходилось. Разве что рядом постоял.

— Ерунда. Разберёшься. Если что — я тебе подскажу. Ну а основные органы управления — те же, что и на наших. Ну что, съездим на «Юго-западную»?

— Ну давай... Давайте.

— Ничего-ничего, всё нормально, у нас разница лет десять... Ты с какого года?

— С семьдесят девятого.

— А я — с шестьдесят девятого. Ровно дЭсятЬ. А когда у тебя день варЭнья?

— У меня... Двадцать второго апреля.

— А у меня — двадцать второго мая... Тьфу, марта. Да, ровно дЭсятЬ лет и один мЭсяц. Ну, думаю, мы подружимся. Зови меня просто Артём.

— Хорошо, Артём. А я дорогу-то найду?

— А я на что? Давай, поехали.

Не успел Мишка выехать с парковки, как ему в носшиба-нул едкий запах парфюма. Видимо, Артём пока не научился рассчитывать дозу.

Парень чихнул с оглушительным резонансом.

— Ой! — Артём чуть не взвизгнул и передёрнулся так, словно сквозь него пропустили электрический ток.

— Извини, — пробормотал Мишка. — Не хотел.

— Ничего страшного, — выдохнул менеджер. — Ты тоже

меня извини. Побрызгаю слегка — кажется, что совсем не пахнет. А как запахнет — уже переборщил. Да и... не обращай внимания. Мой папаня так же чихал.

— Тогда тем паче должен привыкнуть...

Мишка осёкся, осознав, что сморозил глупость. Или, вернее, нетактичность. Но Артём этого не заметил. Или сделал вид, что не заметил.

— Да громкость-то ни при чём. **Ассоциируется** с отцом. А он у меня был — ой-ой-ой! И бил, и бил... С другой стороны — я ему по-своему благодарен. А то так и прозябал бы в дерьме среди баб-клушек — мамки, бабки и сеструхи. Стимула бы не появилось выходить из зоны комфорта.

— У меня на твоём месте появился бы стимул как раз войти в ту самую зону комфорта. Как по мне — дерьмо с ней не имеет ничего общего, на то оно и дерьмо.

— Смотря что относить к дерьму. Если бы отец от нас ушёл или помер, нам всем было бы за счастье. Нет, батёк таки ласты склеил. Уже когда свалил я...

Артём осёкся. Мишка понимающе кивнул.

Только понял он неправильно. Артём осёкся не потому, что ему было тяжело говорить об этом — несладкое детство и юность на «малолетке» были давно и, согласно его теперешнему (точнее, второму) имени, не с ним вообще...

Глава 9

Слава Зубарев родился в городе на Неве, то бишь Ленинграде, в семье, находящейся на грани неблагополучия — все десять лет, что он себя помнил её членом, она балансировала, как акробат на канате, дабы не упасть либо в пропасть нищеты, либо же замертво от изнурительных нагрузок — переработки с точки зрения позднесоветского менталитета считались целесообразными эпизодически — купить что-то солидное вроде холодильника, телевизора или мебельного гарнитура. Здесь же было бы необходимо постоянно вкалывать с аналогичной отдачей, чтобы сравняться с медианным уровнем даже среди себе подобных, без учёта номенклатуры и прочих «более равных» в первом в мире государстве «всеобщего равенства».

Посему родители Славика — Константин Васильевич и Галина Андреевна — предпочли не рвать жилы и гробить время, а стараться уложиться в скудное жалование уборщицы в заводской конторе и грузчика в столовой того же завода. Бабушка — Мария Петровна — профессионально сводила концы с концами на копеечную пенсию, да ещё умудрялась делать какие-никакие накопления на книжке. Вечера, выходные и отпуска посвящались отдыху в кругу семьи и воспитанию Славика и его младшей сестрёнки Леночки.

Личностью Славик рос, мягко выражаясь, нестандартной.

Ибо социальным стандартам себя с раннего детства противопоставлял. Как известный нам Вадим Кузьменко.

Но Вадим чётко обозначил вполне здоровую позицию — жить богато и беззаботно, и звучало сие — да, цинично, зато честно и понятно. А со Славиком решительно ничего и решительно никому не было понятно.

Во-первых, на циника наш злыдень не тянул ни на йоту.

Во-вторых, из него и честный человек был как из обезьяны профессор.

Ну и, наконец, в-третьих — его выкрутасы были выкрутасами ради выкрутасов. И кабы английское словечко «фрик¹³» попало в Союз хотя бы через Московскую олимпиаду, всему окружению Славика не пришло бы в голову терзать мозги на предмет наименования такого рода крышесноса.

Взрослые реагировали с юмором — ну не настолько парень на тот момент был поганым, чтобы бить тревогу. Или самого Славика.

Сверстники же глумились независимо от его поведения. Генератором издевательств и регулятором изощрённости оных служили богатство фантазии, свободное время и эмоциональное состояние травителей.

Если, к примеру, в какой-то день проводилась контроль-

¹³ Freak (англ.) — дословно: ненормальный, помешанный. В современном понимании — человек, выделяющийся необычным, экстравагантным внешним видом и/или поведением, неординарным мировоззрением, противостоящий социальным стереотипам.

ная — все, от тихони-очкарика до отпетого хулигана — думали сугубо о ней, и им было не до Славика. Он и сидел вне поля зрения подавляющего большинства — ещё в первом классе, как каноничного ущербного ученика, посадили за последнюю парту.

Или — завхоз организовывал субботник, ставил задачу — за световой день кровь из носу привести территорию или помещение в порядок — опять повезло. И чем труднее и геморройнее, тем везучее — Зубарев справедливо полагал, что кровь из носу приемлемее от перенапряга, нежели от чьего-то кулака или кеда.

Перенапрягаться, к слову, Славик тоже недолюбливал, за что ему регулярно доставалось обилие всеобщего презрения, особенно после тех же субботников — ведь именно там лучше всего видны результаты деятельности всех и каждого. Но он всё равно шёл на аврал как на праздник — ему хватало ума если не выбирать из двух (трёх, четырёх и т. д.) зол, то безошибочно распознавать, какое из них принесёт ему меньше мучений. За работу спустя рукава Славика прилетало от одноклассников, вынужденных под неусыпным оком строгого завхоза, отставного прапорщика, корячиться и за себя, и за того парня, но «тот парень» воспринимал нападки уже иначе — неприятности и так к нему липнут, как железки к магниту, хоть вчера обошлось.

Нечего и говорить, что у такого неординарного экземпляра, как Славик Зубарев, просто не могло не быть клички.

Благодаря его «удобной» фамилии сверстники не ломали голову ни секунды. И, придя в первый раз в первый класс, наш горемыка в первый же день обрёл «фамильное» погоняло — Зуб.

— Ну, Зуб и Зуб, — рассуждал Славик. — Не худший вариант, кстати.

Но с обидой, что его мнение не учли, не справился, заимев на всех и вся тот самый зуб, не замедливший вырасти во внушительный клык. И сам не замедлил методично гадить другим. Ему по его природе было не вмоготу не вести грязную политику, упорно не желая осознавать, что гадит он не только социуму, а в первую очередь себе.

Такое сочетание ограниченности и мстительности подкинуло и Славику, и десяткам встретившимся на его пути граждан неисчислимое количество невзгод — от банальных житейских неприятностей до всепоглощающей скорби...

В кругу семьи были свои тараканы. Помимо прочего, из-за стеснённого быта — пять человек ютились в двухкомнатной «хрущобе» с проходными комнатами.

Константин Васильевич по пятницам неизменно напивался — как правило, выкраивал из тощего семейного бюджета на поллитру. Если «культурный отдых» сопровождала закуска, все знали, что можно не дрожать — папа добрый.

Отсутствие же на столе баночки кильки в томате или сушёной рыбы было сигналом, что у папы проблемы, или он не в настроении. И домашние старались на кухне без серьёзно-

го повода не появляться. И так влетает всем — и по поводу, и без.

Если же на столе материализовывалась вторая поллитровка, можно было смело ставить все деньги на то, что вся семья предстоящей ночью спать не будет. В этом случае, чтобы заработать лещей, на кухне маячить было совсем не обязательно. Глава семьи, громко топая ногами, кашляя, чихая и пуская газы, бродил до утра по квартире, и колотил всех, кто подворачивался под руку — и сына, и жену, и тещу. И даже лапочке-дочке нет-нет да и перепадало.

Мама и бабушка жалели Славика и Леночку. Заступаясь за детей, сами получали добавки. Но поделаться ничего не могли. Хозяин. И мужчина в доме. Единственный. На Славика надежда призрачная — одна из причин того, что и они иногда на нём отыгрывались за своё тяжёлое бытие. Бить не били, но было ли легче — и ему, и им? Психологическое давление не менее губительно, чем физическое, причём для обеих сторон.

Доподлинно неизвестно, знал ли Славик поговорку «маленькие детки — маленькие бедки, большие детки — большие бедки». Однако олицетворял её в полном и всеобъемлющем смысле.

После начальной школы у парня, вступающего в пубертатный период, предсказуемо возросли потребности по всем аспектам. И, сверх того, прорезались новые. В частности, понадобились карманные деньги. О чём он и решил посовето-

ваться с домашними.

— Какие тебе деньги, мы тебя что — не кормим? — заворчала бабушка.

— По-твоему, я скотина, которую только кормить достаточно? — огрызнулся внучок.

— Ты нас извини, милый, но — сам знаешь, как мы живём, — вздохнула мать. — Деньги — для нас всех большой вопрос...

И рассказала о собственном полуголодном детстве, пришедшемся на послевоенные и хрущёвские годы.

На дворе же год стоял восьмидесятый. Экономика страны только за предшествующие полтора десятилетия ощути-мо поднялась, не обойдя стороной и уровень жизни населения. У школьников, родившихся при Брежневе, появилось многое, о чём их родители не то что мечтать не отваживались — не имели представления.

Понятно, что и теперь не каждый ребёнок и даже подросток обладал приватным пространством, не каждая семья владела машиной, не все могли летом поехать на море. Но эта по-своему несчастная семья отчётливо вырисовывалась и тут.

Разумный совет дал отец — недостатков и вредных привычек у него хватало, но в общем и целом он был неплохим мужиком, и всегда умел договариваться.

— Собирай бутылки и сдавай их. Но в других районах. Не срами наш род.

Славик махнул в Купчино. Не прошло и часа, как коренные охотники за стеклотарой здорово отколошматили чужака, дерзнувшего отбивать у них хлеб и бормотуху¹⁴. И те две бутылки, что добыл, экспроприировали. Вместе с авоськой.

Оклемавшись, Славик попытал удачу на Васильевском острове. Вторая вылазка отличилась от первой несущественно.

В окрестностях улицы Ленсовета, где обитал, страдальцу и в голову не пришло промышлять — боялся не только конкурентов.

Может, подаяние кланчить у церкви?

Нет, нет и ещё тысячу раз нет.

Во-первых, он не решится на это чисто психологически. Невыносимо стыдно даже перед незнакомыми людьми.

Во-вторых, он как-то приметил, как пацана, по виду его ровесника, вставшего с шапкой на паперти, забрал проходивший мимо милицейский патруль. Славик быстро смекнул — состряпали протокол, доложили родителям. И в школу, вне сомнения. А там ещё и на всех уровнях пропесочили. И уяснил, что такого позора точно не хочет.

Но как же тогда зарабатывать? В одиннадцать лет, стало быть, больше никак. Если только... подворовывать.

Воистину, безвыходных положений не бывает. Бывают выходы, которые не устраивают. Пока внутреннее «я» не устанет терпеть, и не попросит совесть подвинуться.

¹⁴ Бормотуха — дешёвое плодово-ягодное вино.

Натура, воспринимавшая термин «совесть» не более чем пустым звуком, клюнула на идею непринуждённо и безболезненно. И не преминула поздравить себя с почином, вытащив в метро первый кошелёк.

Итак. Кошелёк украден. Вор не пойман. Дело за малым — понадёжнее заныкать шальные рубли, чтобы домашние не узнали о них.

На всякий случай он скажет, что нашёл район, где его никто не трогает — в конце-то концов он же не зарекался от сбора посуды публично. И невозбранно дразнить родных звоном мелочи. А ассигнации надлежит поглубже заховать — с одной стороны, несколько десятков и пятёрок — богатство не ахти, но если родители или бабушка обнаружат их у него, то неизбежно возникнут вопросы. И отмазка, что кошелёк найден — на первый раз, пожалуй, и проканает. Во второй — суровая беседа с нравоучениями в кругу семьи обеспечена на сто пятьдесят процентов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.